

Андрей Медведенко

На перегонах

судьбы

*Стихотворения,
поэма,
быль.*

Луганск
2018

УДК 822-3
ББК 84 (4 Укр – 4 Луг) 6
М 42

На перегонах судьбы. Луганск, 2018. – 152 стр.

В новой книге «На перегонах судьбы» известный поэт Донбасса Андрей Медведенко, лауреат литературной премии Союза писателей России «Имперская Культура» им. Эдуарда Володина остаётся таким же тревожным, как и в предыдущих книгах. Его поэзия вся – душевный порыв, глубоко жизненна и философична, публицистично-лирична, наполнена нежностью и любовью.

© Медведенко А.Е., 2018
© Художественное оформление
Толмачёв Ю.С., 2018.

* * *

Ливень листвы повсеместно
сердце не старит в груди.
Только лишь Богу известно,
что у меня впереди.

Святости чувств не переча,
я не исчезну в глуши.
Будет желанная встреча,
будет и праздник души.

Эта зелёная сила
страдный возвысит мой путь.
Только б терпенья хватило
с резвой стези не свернуть!

Из опалённой петради

2014 г.

*Господи, дай мне увидеть
счастье в Тебе,
ибо в себе мы несчастны!*

Августин

НЕ СМОЛКЛА ПРАВДЫ РЕЧЬ

1

*Павлу Дрёмову – командиру
шестого мото-стрелкового
казачьего полка.*

Он строил мирные дома.
Любил тепло уюта.
Но в край родной пришла зима,
бедой ощерясь люто.

Явился двадцать первый век:
ершист, хитёр и грязен.
Но человеком человек
остаться в нём обязан!

И чтоб достойно стало жить,
исчезнул срам людской –
казачья в нём взбурлила прыть
с отвагою святой.

Душа не приняла измен.
Не смолкла правды речь.

И море было – до колен,

- Милая, не жди!

И зашагал. Запомним его, люди!
Земля под ним вздымалась кумачом.
И жерла страшных огненных орудий
его отваге были нипочём.

Он шёл, и креп в свинцовом вихре бури,
познавший боль душевную и ран.
И Доларес была с ним Ибаррури,
и позывной звучал: «Но пасаран»!

Шёл, полон сил, что дал ему Всесущий.
Ковал победы славу не в тиши.
Он – твой, Донбасс,
счастливый день грядущий
и достоянье нравственной души!

Свобода не вмещается в кордоны.
Не превратить упорство её в прах!
...Могила. Степь. И ветер с Барселоны
над бугорком полощется,
как стяг!

3

МЕЧТА НЕ ПРЕСЕКЛАСЬ

*Памяти командира бригады
«Призрак» Алексея Мозгового.*

За ним охотились не раз.
А это значимости признак.
Мгновенно исчезал из глаз
и появлялся, словно призрак.

Певец – решил воевать.
Всегда он там был, где труднее.
Нет, не затем, чтоб убивать,
а, чтобы сделать жизнь честнее.

Не уберётся.
Диверсант
исподтишка нацелил мину.
И помутнился зоркий взгляд.
С дороги сбросило машину.

И всё ж мечта не пресеклась.
Над ним – пустое власть могилы...
Хоть жизнь его оборвалась,
но песня – набирает силу!

4

СОЛНЦЕРУБ

*Памяти Олега Анащенко –
начальника управления
Народной милиции ЛНР.*

Слышал о нём и стар, и мал.
Он близок был народу.
Он в недрах уголь добывал,
в сражении – свободу!

Он был отцом бойцам в бою.
Оберегал их жизни.
И не ценил он жизнь свою,
а только жизнь Отчизны.

Хоть много минуло веков –
мир так же кровожаден.
Где крепче к Родине любовь,
там недруг беспощаден.

Светло сиянье седины...
Но молния блеснула! ..
Подлец ударил со спины –
на весь квартал рвануло!

И содрогнулась Мать-Земля.

7

Явила сыну верность.
И сдвинулись пласты угля,
и вышли на поверхность,
чтоб проводить в последний путь
товарища и друга...

Чтобы ещё хоть раз взглянуть
из недр на солнцераба.

5
БЫЛ ЛИ ШАНС?..

*Командиру группы быстрого
реагирования,
начальнику штаба 4-й бригады
ЛНР Александру Беднову
с позывным «Бэтмен».*

...А был отважен он и лих.
Шёл впереди всегда!
Но, что погибнет от своих,
не думал никогда!

Вожак спецназа – крепок, смел,
повадку вражью знал он.
И реагировать умел
легко и филигранно!

Противник бьёт со всех сторон.
Казалось – вдрызг успехи!
Но там, где пекло, там и он
все сглаживал прорехи.
Победу явную стяжал.
Мин взвешивал прилёты.
И под прицелом он держал
на небе самолёты.

Но рядом ходят Зло с Добром,
где слава – к власти пряник.
И друг вчерашний – стал врагом.
Чистюлюбив – соратник.

Неистребим корысти раб.
Будь бдителен, кто честен!
Ведь и космический корабль
сгубить способна плесень.

Живым остаться! Был ли шанс?..
Хоть многого не знаю,
но то, что выстоял Луганск –
чело пред ним склоняю!

6
НЕ ЗРЯ

*Главе Донецкой Народной Республики
Александрю Захарченко.*

Натянут будто бы струною...
Пух тополиный, что десант.
Идёт и чувствует спиною:
за ним шпионит диверсант.
Но не берёт его усталость.
Он с этой мыслью – богатырь:
уйдёт из жизни если святость -
существовать не сможет мир!

Врага продуманы решенья...
До кочки знает весь маршрут.
И все просчитаны движенья.
Силков надёжных норов крут.
Внедряет лесть и заклинанья.
Весь из коварства состоит.
Свои ничтожные желанья
скорей исполнить норовит.

Известно ведь испокон века –
такого нет и у зверей –
чем больше грязи в человеке,
тем вероломней он и злей.
Следит, подлец, и днём, и ночью...
А он идёт, борьбой горя,
и знает:

если уничтожат,
то, значит, прожил жизнь не зря!

7

ПОГОРЕЛЕЦ

Ещё вчера в родном жилище
он наслаждался тишиной.
И вот стоит на пепелище,
угрюмый, проклятый войной.

Совсем обуглена кроватка –
сынишка-кроха в ней играл.
Как ненавистная заплатка,
дым чёрный небо укрывал.

Нет ни кроватки,
ни сынишки,
ни заготовленного впрок.
И лишь золы играют вспышки,
когда подует ветерок.

Сгорело всё! .. И всё пропало,
что наживал большим трудом.
Жены заботливой не стало –
нашла приют свой под крестом.

О, как её тугие косы
любил ночами расплетать! ..
В душе все высушила слёзы
боль – разъярённая, как тать.

Рука, стрелявшего подонка
курок не раз еще взведет.
Но уцелеть смогла иконка,
и, значит, правый суд – грядет!

Веянье рассвета

ЛОВЕНИЕ

Меня в дорогу мать благословила,
чабрец вручила с блёсткою слезы.
Чтоб никакая дьявольская сила
на перепутьях жизни не скосила,
не совратила с праведной стези.

- Возьми его!..
Не деньги он, сынок.
Но он пропах избой отца и солнцем.
В нём медоносной бодрости исток
и мудрость нескудеющая Троицы.

Стезя напряжена, как лук тугой.
Стрела судьбы
готова в спину впиться.
А солнце жжёт. Иду. И под ногой
его лучи скрепят, как половицы.

Я рад лучам.
А смерч закрутит грустью –
я знаю, где смятениям конец.
Не потому ли крепче становлюсь я,
когда вдыхаю материн чабрец.

БЛАГОС-

НУ, ЧТО ЗА ВЗОР МНЕ ДАН?!

В душе моей – грядущее щемит.
Страницы в мыслях
прошлого листаю.
На месте кладбища –
зелёный парк шумит,
и на скамьях влюблённые вздыхают.

И я вздохну.
Ну, что за взор мне дан,
что в лужах вижу только поднебесье.
На месте Храма – бар и ресторан,
где взятки подбивает мракобесье.

Вхожу в аллею – детский слышу смех.
А под ногами чувствую умерших.
И кажется, в себе ношу их грех
и не могу ни чем себя утешить.

Задумчив шаг. Безбрежен непокой.
Мир впереди, что лестница крутая.
Столетний дуб ветвится надо мной,
столетний прах корнями обнимая.

Он ни одной эпохи видел крах,
мятежность душ, вину не искупивших.
...На лавку грач уселся, как монах,
в прискорбный час
его здесь посадивший.

* * *

Весна. Рожденье новых испытаний.
Ледок судьбы плывёт, голубоват,
рекой любви с порогами свиданий
и водопадом страсти и утрат.

За перекатом – зимней стужи кашель
совсем зачах.
И весь я, как в бреду,
от первых полдня мартовского капель
до умиленья пролеском в саду.

Кот не дощечке – солнышку угодник.
Синицы теньк, как радости глоток.
И кажется кондово-прошлогодним
всё, что не может выбросить росток.

Девичий смех вишнёво чист и гулок.
И от него на сердце канитель.
Вот-вот войдёт, как будто в переулок,
весь в красках расточительных апрель.

* * *

Май прохладой ласкает лицо.
Не постигну того,
что случилось.
Намело лепестков на крыльцо,
еле двери открыть получилось.

Хоть и сила большая в руках –
еле белую паморочь сдвинул.
Еле я устоял на ногах –
от твоей красоты не погибнул.

А она-то, твоя красота,
руку помощи мне подавала,
чтоб стыдливая чувств чистота
не сконфузилась
и не увяла.

Чтоб недоброй молвой налита,
не всклубилась
не дрогнула память.
Красота... Ты моя – высота,
лепестковая буйная замать!

ЛЕТО

Хлебным полем тяжелеет лето.
Неуёмна пташек благодать.
От селенья – веянье рассвета,
где брыкасты груди у девчат.

Оловянный плещется ставок.
Приукрылся тенью косогора.
А вдали – волнующий дымок
на ущербе хлебного простора.

Вот она – дороженька венчальная,
Божиим указана перстом.
Отыскались кольца обручальные
где-то за ракитовым кустом.

Удалось шалфею с кашкой спеться.
Неземной огонь разжечь в крови.
Не постигнуть, что творится в сердце,
коль отдашься полностью любви.

Всё вокруг привольно и красиво.
Паутинок ласков зыбкий бег.
Лишь одна всё лето плачет ива,
что зазеленела раньше всех.

Травостой дурманит соком спелым.
Бабочки порхают над лицом.
И зари излом на бёдрах спелых
мятою пропах и чабрецом.

* * *

Нектар надежд и образ ясный...
И берега истомных рук.
И шёпот губ твоих прекрасных,
и отдалённой песни звук.

С фиалки падают перстов
стозвонной музыкою росы.
И в ожерелии цветов
порхают бабочки, как грёзы.

Перечеркнула ночь комета.
Стоим, впивая её свет.
И льётся музыка рассвета,
как задушевный дню привет.

УПРЁК ОТЧАЯНИЯ

Я не знаю деется что с нами!..
В откровенной боли и тоске
девушка с вокзальными глазами
сто рублей сжимает в кулачке.

На мужчину смотрит безнадёжно.
Рвутся в уши крики поездов.
И округа ёжится тревожно
то ль от горя, то ли от ветров.

На устах упрёк смешон и жалок
от мужской похабщины и лжи.
... В мусорнике, возле иномарок
вместе с псами роются бомжи.

НЕСУ В СЕБЕ ДОРОГУ

С неумолимой в сердце дрожью,
что звоном взвихрилась в ушах,
опять стою на раздорожье,
куда – не знаю сделать шаг.

Внутри кричит всё и бунтует.
Со всех сторон – вражда и лесть.
И правда сытость не бичует.
И вопиёт в пустыне честь.

Да, много праведных вещей
ум человеческий размыкал.
И настоятели церквей
не Богу молятся – владыкам!

В грехе таится непокой.
Зерно в смирении – отважно.
И тело холит мир людской,
а, что душа в грязи – неважно!

... Шагнул. Снедают грудь тревоги.
Да будет ноша пусть легка!
Я сам несу в себе дорогу
от тропки и до большака!

ПОБЕДИТЕЛЬ

На стенках домов белизна извёстки,
что к маю одежда -
 свежим-свежа!

На выгоне мяч гоняют подростки
у серой рухляди гаража.

А выгон лоснится травой степной.
Облако в небе тает.
На костылях
 без ноги одной
по центру крепыш играет.

Кудрявый,
быстрее, чем свист пурги,
он мяч отобрал с налёта.
Недоставало ему
 ноги,
но гол всколыхнул ворота.

Вратарь пошатнулся,
пустырник смял.
Руками взмахнул и: г-га-х!
Но твёрдо он на земле стоял,
как будто
 на двух
 ногах!

* * *

Вот и снова,
солнышку покорный,
устремлённый только в небеса,
утром просыпается цикорий,
голубые кажет мне глаза.

Возвышает бережней, чем вазу,
день.
Сгибает свой цветущий стан.

Вдоль дороги
чуднейшею вязью
потянулись вербы за курган.

И, закинув за плечи котомку,
вслед за ними я собрался в путь.
В ту мою родимую сторонку,
чтобы детства воздуха вдохнуть.

Он на склонах плещется – реален.
Укрепит слабеющий мой дух.
В промежутках поля и прогалин
каждый куст мне – родственник и друг.

Там сирень желает мне поведать
столько удивительных вещей! ..
Там всех вишен ягод
не отведать,
не испить воды из всех ключей!

* * *

Пологий спуск...
Дыхание – легко.
А сердце в глубь степную
так и тянет.
И небо тёплое,
как с пенкой молоко,
в овраг заплатки яркие роняет.

Вокруг трава колыхнется, что море.
Воробышки в кустарнике галдят.
И одуванчики
на дальнем косогоре,
как лампочки шахтёрские горят.

Они горят
и льются на просторы,
и утопают в роскоши рябин.
Как будто вышли
витязи-шахтёры
в раздолье
из заброшенных глубин.

Горят во всю в родном краю исконном.
Их яркий свет волнует душу мне.
И хлебосольно
деды-терриконы
встречают их в почтенной седине.

* * *

В лугах косулей взбрыкивает лето.
И ветерок сорвался от реки.
Обласканная лилия рассветом
доверчиво раскрыла лепестки.

Приятны ей прохладные потоки.
Я к ним усталым сердцем так и льну!
В дупле ракиты властвуют потёмки,
недостижимы солнечному дню.

Но луг цветёт, и песня – не смолкает!
В стозвонном птичьем плещется пылу.
И чёрная протоčina стекает
докучливою струйкой по стволу.

СЛЁЗЫ ПЛАКУЧЕЙ ИВЫ

Былое возвращается ко мне.
И в недрах чувств
о будущем мечтает.
Так в золота закатной желтизне,
как будто дух почивших обитает.

Шумят сухим прибором камыши.
И холм, как хлеба чёрствого краюха...
Но теплится незримо тень души
в давно забытой Богом развалюхе.

Сирени куст остался от двора.
Никак с безлюдьем
свыкнуться не может.
И не галдит в проулках детвора,
засыпанных вечернею порошей.

Иссяк родник.
В бессилье изнемог.
В тени давно не прячутся стрекозы.
Вчера ещё поил её ставок,
ну а сегодня – собственные слёзы.

* * *

Я день оставил прожитый - векам.
Отдал его открыто и покорно.
И растолкав тоску по уголкам,
сумел вздохнуть достойно и свободно.

Домой я через кладбище иду.
Из прошлого встречают меня лица.
Во мне не раз поступкам их свершиться
на радость, ну а, может, на беду.

Вон – тот, с усами,
в окруженье пташек –
рельефен и осанист, как петух,
имел успех у молодых торгашек
и томных раздражительных старух.

А этот, из бордового гранита,
что пересёк мне в полный рост тропу,
гроза базаров и вожак бандитов,
он разделил с собратями судьбу.

А чуть в сторонке –
«зубр» державной силы.
Ему гордыня разорвала грудь.
Почил. И вровень
с братскою могилой
подельники воздвигли ему бюст.

Иду. Взирают с памятников лица,
тая в глазах застывшую мечту.
Но тянет меня, тянет поклониться
сосновому подгнившему кресту.

ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

Сердца стук колёсами на стыках
среди безмолвной пустоши полей.
Всплески рук,
похожие на крики
отлетевших к югу журавлей.

А над ними
гроздь туч нависли.
Но такой надежды полон взгляд,
что не может жизнь лишиться смысла
даже среди боли и утрат!

* * *

Над хатою вишен и слив пороша.
Зигзаги дороги, что дым трубы.
Много встречалось людей хороших
на перегонах моей судьбы.

И, когда нету уже терпенья -
милость Всевышнего вдруг придёт.
Вот и сегодня,
твоё явленье
мне помогает идти вперёд.

Чувствуя бодрым себя и смелым,
всё принимать, словно Божий дар.
Никто усмирить никогда не смеет
нежности в сердце моём пожар.

И пусть лицедейства вокруг угрозы,
и порицаний, и подлость смут!
В душе моей всходят упрямо розы,
цветами надежд и любви цветут!

* * *

Весенняя свежесть,
как песня в лесу,
как поднятый смерч рысаками.
Прильнула зелёная ветка к лицу,
касаясь души лепестками.

Лучи на лужайке, как малые дети,
играют – в охапки лови!

Вдыхает в дурманистом
вешнем рассвете
рождение первой любви.

Подснежник проснулся.
Украсил поляну.
Тропинка торопится вдаль.
Паук неизвестно откуда нагрянул
и ткёт паутинок вуаль.

* * *

Сияют звёзды в блёстках риз.
И осокоря тень
за старый шлях скатилась вниз.
Отстал от ночи день.

Под настом муркнула вода,
как вечеру привет.
Сломал подснежник корку льда
и выбрался на свет.

К полёту
ладит крылья шмель,
встряхнувшись от оков,
чтоб заиграл с утра апрель
на флейте ручейков.

Чтоб песни вещие струны
сердечку были любы.
И первой свежестью весны
цвели девичьи губы!

* * *

Летний сумрак тихо и печально
опустился в грустный старый сад.
И стою один я – гость случайный,
на изгиб тропы бросая взгляд.

По тропинке этой – было время,
нас вела безудержная страсть.
И найдя покой уединенья,
мы взмывали в Небо, окрылясь.

Миг желанья в вихорь превращался.
Шелковилась смятая трава.
И, как сумрак в ночь преображался,
мы преображались в волшебства.

Я стою и думаю о прошлом.
Мне его вовеки не вернуть.
След тропы,
репейником заросший,
преграждает в прошлое мне путь.

* * *

Житейских дел невпроворот,
но я доволен чар напоем.
Ты в поле полешь огород,
а сердце шепчет:
«Он – с тобою! »
И хоть бередит чувства грусть,
ведь ты сейчас со мной не рядом.
Я слышу шёпот твоих уст:
они судьбы моей отрада.
Они – дыхание весны,
и маков жар, и буйство встречи,
и ощущение новизны
полёта нежности под вечер.
Они – заветнейший искус
души мятежной и печальной:
всё то, к чему я так стремлюсь,
охваченный истомой тайной.

* * *

Может, кто и есть на свете краше,
но тебя я слушаю и млею:
- Мне хотя б руки коснуться Вашей,
а о большем и мечтать не смею!

Ветер ветки зимние колышет
в свете нарастающей луны.
Чувствую, как губы твои пышут
беспокойным трепетом весны.

Как стремленья сладостного цельность
подняла в душе восторга вихрь,
и любви бесценнейшая ценность
отразилась в чувствах неземных!

* * *

Не бродягою и не странником
открываю калитки крючок.
Двор, увитый весь виноградником,
мне навстречу, что рыжий Волчок.

Рыжий-рыжий! Ну, как липучка!
хоть и пёс, а душой добряк.
Он с весны приболудился к Жучке.
Мать его называет: «примак»!

Пусть – примак! Ничего плохого.
Ишь, какой безоглядный пыл!..
Средь людей отыщи такого,
чтобы жертвенно так любил.

Пусть плескаются, скачут ярко –
в чувствах только они не лгут.
А за старою кочегаркой
изогнулась труба в дугу.

Куст вечерней маслины скачет
отогреть о трубу бока.
И долина о детстве плачет
вся задумчива, как тоска.

Винограда свисают кисти.
Я срываю, а мама мне:
- В этот год не удался – кислый.
мало было солнечных дней.

- Ничего! И с Волчком дурачусь.
Одуванчиков кружит пух.
- Больше будешь весёлой, значит
больше солнца станет вокруг.

- Да, сынок, но на этом свете
обойдётся ль без кислоты?
В год мне солнышко столько светит,
сколько раз приезжаешь ты.

* * *

Стою с задумчивым лицом.
И отражаются во взоре:
и сад, посаженный отцом,
и мамы вышивка на шторе.

И весь, залитый солнцем двор.
В цветах клематиса беседка.
И на меня через забор
глядит грудастая соседка.

Давно за нею не бегу
за огороды в глушь лощины,
где время сгладило тропу,
а мне прибавило морщины.

* * *

Чувствую сердцем напругу,
будто на скользком рискнул.
Кто-то подрезал подпругу,
с праведной тропки свернул.

Кто-то – копейки не стоит,
а уважаем в верхах
и приспокойненько строит
рай на холопских слезах.

Возраст, наверное. Маюсь.
Словно моя в том вина.
Взять себя в руки пытаюсь.
Степью блуждаю без сна.

Что ни распадок - тревога.
Мысль утешает одна:
степь без полыни – бедна,
как без печали – дорога.

ДЕТИ ВОЙНЫ

В. Гурину

Война отгремела.
Поля – погосты.
Ткёт в черепах паук паутину.
Бабка Шелушка
в сельпо принимает кости.
Из них мука –
 для скота витамины.

Весна в разгаре.
Тюльпаны смело
цветут среди осколков - алее всех!
Орлам – глаза.
 А воронам – тело.
Белеют кости, как будто снег.

Подростки бродят
с мослами в сумках.
И хоть фашисты,
 и хоть отцы –
бабка Шелушка в зубищах с трубкой
отвалит деньги на леденцы.

Пыхтит махоркой.
И в баса сыти
с дымом швыряет, как будто злость:

- Район одобрит! Ещё несите!
Отменный будет скота прирост!

«СВОИ»

Шёл к трибуне. Суров и сварлив.
На груди – боевые награды.
Но подставили ножку – свои,
в полутьме из переднего ряда.

Громыхнулся.
Награды звенят,
отражая походы былые.
Смех по залу разлился ребят.
Ржали - в доску «свои», молодые!

- Ну и хохма! Ну, дед – Цицерон!
Нам такую речуху задвинул!..
Что ни слово – последний патрон.

Не в лицо хохотали,
а в спину!

Встал. Качнулся.
Как будто в плену...

- Эх, свои ж вы!.. Родимые лица!
Ведь под белые ручки страну
на панель волокут проходимцы!

Сила смеха слова заглушила.
Сжался. Вспомнил атаку в Крыму,
как своя артиллерия била
по нему!

по нему!

по нему!

ОСЕННЯЯ МОЗАИКА

1

Не уйдёшь от неизбежного.
Годы вянут в кутерьме.
Солнце село раньше прежнего –
день подвинулся к зиме.

Прихватил цветы морозец.
Но всё также строг и мил
одуванчик-солнценосец
бодрость духа сохранил.

2

Я словно улицей плыву,
тень грусти в ветках обнажая.
И пью осеннюю листву,
как спиртом, губы обжигая.

И в стойкой яркости цветов
о том, несбывшемся вздыхаю,
что промелькнуло в пёстром мае,
из чувств не выйдя берегов.

О дивной осени покров! ..
Тоска и немочь в увяданье!
Зачем ищу я оправданья
в безгрешности моих грехов?!

Наивные мои мечты!
Всё в них – распахнутая рана...
Ведь нет без грусти красоты,
как лани трепетной
без стана.

3

Не заводит песню птица.
Край вздыхает, как немой.
Дымка лугом волокнится
серебристой бахромой.

Крыльями журавль захлопал!
Длинный день уменьшил рост.
Как бульварный ладный тополь,
с дамой шествует альфонс.

Тишина упала быстро
в нежилой гнезда уют.
Лишь простуженные листья
кашель гулкий издают.

4

Тянется еле заметно
к лесу таинственный след.
В отблеске сумерек медном
зыбкий дрожит полусвет.

Листья ко^йпят неизбежность.
Инея тень на стволах.
Неутолимая нежность
млеет в созревших плодах.

А по хребтине гряды
дымка студённая вьётся.
...В тихой печали звезды
сердце тревожное бьётся.

ТРИПТИХ

1

За веком – век!
За годом – год!
Как неизменчив ветер в поле:
- Смиритесь! – просит нас Господь,
а мы к химерной рвёмся воле.

Твердим от имени народа,
что сокрушить сумеем тьму.
Да, привлекательна Свобода,
но не даётся – никому!

2

- Окрылись! –
кричат мне властелины,
и увидишь мир во всей красе!
Отряхни кошмар мещанской тины,
счастье ведь не только в колбасе!

Окрылился. Вроде как – светлеет.
Только разве стало жить легко?
Пыль – она и крыльев не имеет,
а летает ох как высоко!

3

Торжественность Победного парада
на орденах отблескивает сталью.
А я живу, на страсти мира глядя,
как будто бы с просроченной моралью.

И не отделаться вовек мне от вины,
как слёз потоку от кладбища,
что не вмещается в печаль моей страны
печаль убогого жилища.

НОЧЬ АВГУСТОВСКАЯ

Переливается сквер, как брошка,
пёстрым пучком листвы.
Жизнь,
по имени «Серая кошка»,
царапнула до крови.

Но смолк суеты беспокойный стук.
И месяц ввалился
в травы кровать.
И скрипка волшебный явила звук,
чтоб вечер сонливо не стал зевать.

Река посчитала улов свой звёздный,
не веря, что день темнотой распят.
Фиалок недра,
как счастья слёзы,
разлили душистый свой аромат.

Кометы продёрнулся след скользящий
в сторонке от табора облаков.
И ночь убаюкала зной палящий
песней заливчатою сверчков.

* * *

Птицы взметнулись и тужат.
Мимо курьерский промчал.
Сад ошетинился стуже,
светлую дарит печаль.

Весь он согнулся под ношей –
зрелости время пришло.
В думах о чём-то хорошем,
жить без чего тяжело.

Копит души откровенье,
чтобы распахнутой быть,
чтобы всю зиму вареньем
деток и взрослых кормить.

Не покидает округу...
Стелется под ноги медь,
чтоб лепестковою вьюгой
вьюгу зимы одолеть.

СЕНТЯБРИНКИ

В жёсткой траве серебро паутинок,
как седина на висках.
Столько вокруг голубых сентябринок,
словно парю в Небесах.

Словно и нету совсем листопада,
ветер лицо не сечёт,
а на тропинках старинного сада
юность на лавочке ждёт.

Пусть издалёка спешит неизбежность,
взор её ясен и крут –
неисчерпаема всё-таки нежность,
коль сентябринки цветут!

* * *

Как окровавленная плаха,
вошёл рассвет в начало дня.
Вопль отвращения и страха
везде преследует меня.

И мир, вчера ещё нехлипкий,
ушёл во власть кривых зеркал,
где за елейною улыбкой –
звериный прячется оскал.

Реальность
вновь гнетущим грузом
легла на плечи мне и грудь.
Но не лишаюсь я иллюзий,
чтобы постигнуть жизни суть.

ЯНВАРЬ

1

След от валенок – к порогу,
смял кустистую полынь.
Звук, рождающий тревогу,
за курган прогнал теплынь.

С поля – бездна звонкой ночи
беспокойный кажет взор.
И о звёзды в небе точит
ночь морозная топор.

2

Ведьмы месяц украли.
Стал мороз нестерпим.
А стекляные дали
помутнели, как дым.

С резким, жёстким отливом
иней в ветки заполз.
Ясень стал молчаливым,
помрачнел от угроз.

Дунул ветер промозгло,
и скрипучей стал наст:
...Коль земля не промёрзла,
то и соку не даст.

ВЕСНУШКИ ОСЕНИ

Неизвестность, словно страха дуло...
Ветра всплеск,
что звучный всплеск весла.
Вот с фиалки бабочка спорхнула
и мгновенье счастья унесла.

А за ней взметнулась птичья стая,
среди дня волнуя и в ночи,
чтобы, словно клавиши рояля,
пели мне оврагами ручьи.

И чтоб одинокая, несмелая,
вся - подобна музыке в струне,
на юру берёзка бело-белая,
красовалась в бархатном огне.

А девчата в дальних деревушках
расправляли крылья новизны.
Чтоб листвы осенние веснушки,
торжеством наполнились весны!

В ЗАСУХУ

1

Совсем истощились за росстанью тучи.
Пожухла окраина рва.
Рыжеет распадок под ветром колючим.
Затравлена зноем трава.

Страдает валун от палящего солнца.
Сурепку сжевал суховей.
И только лишь лужа у сруба колодца
всё кичется грязью своей.

2

По степи брожу скитальцем –
прадеда ищу коней.
Стало лето голодранцем
от палящих знойных дней.

Прадед был лихой рубака.
от нужды, чтоб не пропасть,
эскадрон водил в атаку,
защищал народа власть.

Жил и просто, и красиво.
Был волшебником таким,
что и дождь держал
за гриву,
насыщая землю им!

* * *

Полдень хмурый. Зябко мне.
Не поёт давно сверчок.
Как откушенное яблоко,
под ногой хрустит сучок.

Влаги в воздухе присутствие
превращает листья в прах.
И тоску плетёт предчувствие
о несносных холодах.

И о том, что не воскреснет
гвалт ребячий на прудах,
что, село покинув, песня
костенеет в городах.

МЕСТА СОКРАЛЬНЫЕ

Вечер.
Месячно в звёздном стане.
И душа моя вся в пути.
Снова тянет меня и тянет
по дорогам детства пройти.

Постоять в тех местах сокральных,
где поэзией задышал.
Где в садах, от росы хрустальных,
губы вишнями обжигал.

В бездну глинистого оврага
я сигал, побеждая страх.
Пузырём – на спине рубаха
и уверенность в кулаках.

Я с ровесниками не дрался.
И не знаю с причин каких
верховодом всегда считался,
хоть и ниже был ростом их.

Я с убогих не смел смеяться.
Рано, крепость познав в плечах,
понял:
звёзды дождя боятся,
вот и прячутся в облаках.

В десять лет, не лукавлю словом,
(тапки мамы мне – в самый раз!)
не крутил я хвосты коровам –
по низинам курганов пас.

Терриконы вокруг дымили.
Пыль – от КРАЗов.
А степь – что Храм!..
Как же ныне той детства пыли
не хватает моим туфлям!

ОСЕНЬ ГЛУБОКАЯ

Триптих

1

Сумятица в душе от слякотной погоды,
от жёлтых листьев, падающих в грязь.
По росяной траве ухабист след подводы.
И в карканье ворон
с обрывом чёрным связь.

Промозглая тоска... И колея, как плаха...
Остывший разговор таит немой секрет.
И ветер в клёнах в судороге страха
ветвями ловит солнца блеклый свет.

2

Просека в холода мраке
мелким набрякла дождём.
Вечер побитой собакой
стынет в обнимку с бомжом.

Грусть подползла к развалюхе,
крадучись, будто бы зверь.
Древнею бабкой шептухой
скрипнула дряхлая дверь.

Тучи – белесы, как мергель.
Камни ворочает гром –
ад ремонтируют черти,
видно, в упадок пришёл.

Вышел на шлях за ворота...
Вроде и гладок мой путь,
только неясное что--то
тянет на скользкий свернуть.

На улице – нудота.
Не ясно: дождь иль снег.
Фонарь у поворота,
как истерички смех.

И смуростью острога
насутился закат.
От слякоти дорога,
как каторжанский тракт.

Стою. Душою маюсь,
продрогнувший насквозь.
Но всё же согреваюсь
литургией берёз.

НОВОГОДНИЕ АКВАРЕЛИ

1

Наконец-то время вьюжное пришло!
Утром встали – всё вокруг белым-бело!
Увидали и сразились наповал:
Дед Мороз всю ночь подушки выбивал.

Снегири на холм взлетают к солнцу дня.
И на санках зиму тянет малышня.

2

По насту – след. Позёмка.
Ёлка в клубе.
Как мандарин, вечерняя заря.
И Дед Мороз
в роскошной белой шубе
вострит усердно копий острия.

Морозами трещать – в его натуре.
И потому на юг слинял скворец.
Зима овраги снегом штукатурит.
В фольге метели - лунный леденец.

3

Драгоценный звёздный блеск.
Месяц в облаке, как брошка.
От мороза клёна треск,
словно стук в твоё окошко.

Словно прыгнул я с разбега
не в сугроб, а в ночи шаль.
Настругала вьюга снега –
вся в торосах ширь и даль.

Вся в снежинках Несмеяна.
Я губами рад их слудть.
Но она хохочет:
- Парень,

любопытнее будь!
И, как дедушка Мороз,
загляни под шубки ворс!

4

Кружева зима плетёт искусно
то морозом лютым, то пургой.
На душе и сумрачно, и грустно,
только не пойму я отчего.

Может, это грудь волнует леший
(память вся в иголках колких льда)
о хорошем, с юностью ушедшим,
что не возвратится никогда.

5

На небе – звёзд обозы.
Алмазный свет.
Прищучили морозы –
терпенья нет!

Трещат они и скачут.
По буткам – псы.
В шарфы девчата прячут
свои носы.

Закоченел я тоже –
всего свело.
Но ты пришла! О, Боже!..
И мне – тепло!

ВОЖАК

Увяз в тумане залп двустволки,
как загустевшей грязи ком.
И завертелись стаей волки
в теснине каменной волчком.

Вожак,
напористый и старый,
к камням пружину раскрутил.
Но молодой крепыш поджарый
ему дорогу преградил.
Всем существом звериным встал он.
Невозмутим. Хитёр. И зол.
И через миг возглавил стаю
и по ручью её повёл.
По желобку повёл, по скату.
Капканы ловко обминал.
А волк бывалый сухопарый,
протислся взглядом и... отстал.

Отстал – суровый и матёрый.
В глазах усталые огни.
Он очень мудро кончил споры –
один свернул за валуны.
Нет, не отстал – ушёл из стаи.
Не в услуженье его плоть.

То у собаки есть хозяин.
У волка – лишь один Господь!

* * *

Над дорогой
змейкой снег метелится.
И морозец мягкий, а не злой.
Ты моя колдунья и волшебница,
вдохновенья лучик золотой.

Не могу сказать,
во что всё выльется,
хоть блеснула молния в очах.
Образ вещей твой
во всём мне видится,
даже в самых малых мелочах.

Он – всему грядущему основа.
О, мечта заветная, волнуй!
Польхай в разнежившемся слове,
приворотной чаши поцелуй!

* * *

Я набрёл на тебя,
когда всё уже было неважным.
Безмятежность души
безрассудная смяла гроза.
Губ вечерних тоска,
приоткрытых и розово-влажных,
и спокойная стать,
и с печальным отливом глаза.
Мы сидим за столом.
Кофе пьём,
и по радио слушаем скрипку.
Оседает на окна
неясных надежд полумрак.
С тем, что прошлого страх
затаился в твоей
осторожной улыбке,
не смиряется сердце никак.

ТЕРПКИЙ МЁД

1

Летней брожью порою
лугом,
и рву цветы.
Только глаза закрою –
и возникаешь ты.

Ветра степного скрипка
пришла вдохновить края.
В каждой цветке улыбка
видится мне твоя.

Музыкой звучнострунной
платье и губ восторг...
Страстью дурманит юной
заревом резвых ног.

2

Нежный дождь твоих волос.
Эха тайный шёпот.
Счастье мимо пронеслось,
словно конский топот.

Дней минувших терпкий мёд
в Вечности истаял.
А душа всё слёзы льёт,
в облаках витая.

3

Как будто молния - жгутом,
как в знойный полдень мгла,
хлестнула взглядом, что кнутом,
и, гордая, прошла.
И помутился белый свет.
Надежды не сбылись.
А прошлое кричало вслед,
молило – оглянись!

* * *

Если кто-то возьмёт и спросит,
что ты значишь в судьбе моей.
- Ты – моя золотая осень,
я отвечу с душою всей.

Много силы ещё в запасе.
Ветр порывистый сводит дух.
В вихре жёлтом кружись, как в вальсе,
раздвигая мечтаний круг!

Как зима придёт – не заметишь.
Вот ещё позади ступень...
Ты во мне, дорогая, светишь
нежным солнцем в ненастный день.

Не удержишь пожар в секрете.
Всё оплачено по счетам.
Ты – росинка весны в букете,
восхождение в дивный Храм!

ЛЕТНИЙ ЭТЮД

Роса, блеснувшая спросонок,
прохладу сбросила в зарю.
Изгиб реки упруг и звонок,
как шорох лешего в бору.

Как будто заводью проплыли
ведуньи тени в буерак.
И светом ярким залепили,
к скале попятившийся мрак.

А на подворье лает Жучка
на стрекозу и мотылька.
И тает в ласках солнца тучка
порозовевшая слегка.

* * *

Край родной,
запустелый, зелёный.
Вьют сплетенья ветвей кружева.
Опускается вечер на клёны
и прохладною пахнет трава.

На могилы забытые дедов.
Их потомкам искать недосуг.
Стали прахом и труд, и победы,
поднимавших Отечества дух.

Сытый мир, на жестокости падкий,
вновь звериную сущность набрал.
Будто чувствуя близость упадка,
от деяний своих одичал.

Всюду в рвенье завидном и строгом
расползлись по земле мураши...
Кровь мечты пролилась на дорогу,
на которой давно ни души.

* * *

Весна. Не тот уже запал.
Но взор острей от зрелой силы.
Чем дальше жизнь за перевал,
тем больше девушек красивых.

От умиленья чуть дыша,
их чарам кланяюсь покорно.
И молодеть спешит душа.
Ей совеститься незасорно.

Вот так откос – всегда откос,
явив любые откровенья.
А обнажённый стыд берёз
лишь вызывает умиленья.

ПАСХАЛЬНОЕ

С.И. Котькало

У задремавшей излуки
Божии птички поют.
Как с богомолья старухи,
ивы на рудник бредут.

Жёсткой оградой обуздан,
смотрит зардевшийся мак,
как своенравно разнuzдан
бродит на воле сорняк.

Столько уже насудачено,
пройдено всяких дорог!..
Многое было утрачено,
многим и сам пренебрёг.

Только лишь в завязь и верю
яблонь, цветущих в саду.
Тихой тревожною тенью
к ним невидимкой бреду.

Горестям нету предела.
Злыдней уверена плеть.
Как хорошо, что от тела
может душа отлететь.

Что милосердья раскаты
борют неистовость гроз.
Меж двух злодеев распятый
учит терпенью Христос.

Верит: свершится победа
над злополучным грехом!
Праздник, сулящий нам лето,
выведет Ниву на Холм!

ПЕВЕЦ

Над лесом утро встало,
как маэстро.
В лучах - изгибы каменной гряды.
Ударил гром
по птичьему оркестру
и сразу стихли зяблики, дрозды.

И стрекотать сорока перестала.
Носатый смолк испуганно угод.
И свиристель в кустах отсвистала.
А соловей – поёт!

Поёт подруге молодо и чинно,
что на осине гнёздышко свила,
чтобы её не тронула кручина,
и обминула молнии стрела.

Чтоб счастьем вовсе не было предела.
И не давила темени плита.
Чтоб в тишине немой не оскудела
возвышенного сердца красота.

Ударил гром.
В дупло забился дятел.
И филин с ястребом
воды набрали в рот.
Полощет дождь, как ярый злопыхатель.
Орёл молчит.
А соловей – поёт!

* * *

В тени деревьев
дремлет пёс,
слегка подслеповат.
Плоды роняет абрикос
на землю и асфальт.

Он цвёл и зрел на зло всему.
И верил, что придёт
когда-то женщина к нему
и нежный плод сорвёт.

Он без неё не мог дышать.
Обида сердце жгла.
И когда сил не стало ждать,
она к нему пришла.

Пришла, топя сомненья льды,
подобная Богам.
И сразу с веток всех плоды
ей рухнули к ногам!

* * *

К тихой речке
верба наклонилась,
словно собирается прилечь.
Ну зачем ты снова мне приснилась,
полная желаний и встреч!?

Память сохранила всё, как было,
что пройти по жизни довелось.
Что-то сердце снова зазнобило,
ожиданьем счастья налилось.

Только нету в прошлое возврата,
в чудный миг, подаренный тобой!
Верба, словно лебедь в час заката,
бьёт и бьёт крылами над водой.

* * *

Гляжу на святые лики,
и укрепляю взор.
Сегодняшний мир на стыке
с грядущим таит разор.

Не замечаем прели.
Повсюду один содом.
На лести иглу подсели,
и беспросветно лжём.

Засыпаны тропы листьями.
Сель все пути размыл.
Измазана грязью истина,
в речах потеряла смысл.

На всё показное льстимся.
Крадётся барыш, как вор.
В иные миры стремимся,
а в доме своём – разор!

* * *

Заря тщедушна, схожа на испуг.
Но день - наступит поздно или рано!
Всё до того искусственно вокруг,
что никуда не деться от обмана.

Искусственны по офисам цветы.
У женщин – силиконовые груди.
И на катках – искусственные льды.
А в искренности – вкрадчивость Иуды.

От сплит-систем
то холодно, то жарко.
Но хочется дыханья родника.
И сигарету
не от зажигалки,
а смачно прикурить от костерка.

* * *

Подкралась боль к гнетущей тишине.
Разбередила снова мою душу.
Былое возвращается ко мне,
которое грядущим не разрушить.

Я за него опять вступаю в бой.
Ведь изначально жизнь у нас такая:
в душе - любовь, и благо, и покой,
в делах – уродства пыл неиссякаем.

Отпетый хам - слывёт, как ратоборец,
в округе всем калечащий мечты.
Политика – завидный чудотворец,
из негодяев делает святых.

И не повергнуть кажется законы
бескомпромиссной власти темноты.
...Но к оттепели каркают вороны,
хотя на вид чернее черноты.

* * *

Осенний ветер так лицо сечёт,
что, кажется, кругом царит суровость.
Над состраданием верх берёт расчёт,
перерастая в лютую жестокость.

Усталость – червоточиной в красе.
И лепестки надежды вянут в розах.
На грунт земли
упали листья все,
одни шипы на мир взирают грозно.

Всё тяжелей взмывает ввысь крыло.
Гляжу на сделки с совестью ранимеей.
Всё примирить
с Добром пытаюсь Зло,
хотя они совсем непримиримы.

* * *

Простор влажнеет от тумана.
У ног – мозаикой роса.
Среди предательств и обмана
проходит жизни полоса.

Лукавый недруг мной доволен,
интриги взявшийся плести.
Ведь я свернуть с неё неволен,
да и неволен обойти.

Но удержаться невозможно,
когда душа стремится в бой.
Стать толерантным очень сложно,
коль хочешь быть самим собой.

* * *

Моя душа оцепенела в муках,
опять к печали берегу пристав.
И эта встреча кончится разлукой:
уже к перрону подали состав.

Горят в руках тюльпаны,
словно свечи.
Порыв надежд невнятен и недолг.
И свет любви в тоске противоречий
в мольбе желаний смутных изнемог.

А тучи бродят мрачно и обычно,
погодой мглистой взяты под конвой.
И завывает ветер истерично
разлука будто есть и у него.

Лишь ивы в пойме
кажутся мне сказкой,
где мглой подёрнут странный силуэт.

И смотрит в грусти
женщина с опаской
на осень
в пятьдесят неполных лет.

* * *

Сорвала полог тьмущей тьмы комета.
И вновь ушла бессонница в века.
Но и в лучах весёлого рассвета
незримая продёрнулась тоска.

Не от того ль подумалось мне с дрожью:
хоть будет день и ярок, и красив,
но станет он беспомощен
перед ложью,
уйдя на утро новое – в архив.

МИНИАТЮРЫ

1

Планету вирус обуял.
И у него повадка зверья.
Жестокость, хоть и правит бал,
а всё ж страшится милосердья.

2

Надули ближнего мы и рады.
Такое было и будет сроду.
Богатство в руки плывёт – богатым,
а соболезнование – народу!

3

Не каждому подвластна высота.
Но власть её - таится в нашей лени.
Опасной ясностью чревата простота.
А тишина – дыханием сомнений.

4

Рушим зла преграды,
вроде от души.
Боремся за правду.
А стоим – на лжи.

5

Какие б ни ходили кривотолки –
у каждого свой путь и свой удел.
...Просунули слона в ушко иголки,
хотя он лезть в него и не хотел.

6

Невидимым
проскользнуть хотел.
А туман взял и развеялся.
На дурака понадеялся,
а он – поумнел.

7

Который раз,
держа в кармане дули,
на светлом будущем надули!

8

Она была до глупости спесивая,
неугомонна, вспльчиво мила.
Слепой сказал:
- Какая вы красивая!
И женщина в улыбке расцвела.

9

- Я много значу на веку! –
Петух во всю орёт.
Без моего ку-ка-ре –ку
и утро не встаёт.

Но час пришёл. Ночь стала, как труха.
И утро встало и без петуха.

* * *

Хоть ложатся грузом годы –
делать вывод не спеши.
Правды нет – и нет свободы.
Без свободы – нет души!

И коль ряжен в скоморохи,
не считай, что ты поэт.
Ведь поэт – не тень эпохи,
а печаль её и свет!

БЕЛЫЕ КЛИПСЫ

Белые клипсы...
Белые клипсы!
Паводок. Март.
Забытьё очей.

Белые клипсы!
Белые клипсы
кричат мне
из тех далёких ночей:

- Изгнанницы мы без тебя,
вдовицы.
Ты наш по секрету,
а так - ничей!

Упав на гостиничный
скромный столик,
не раз умоляли меня без слов:

- Не распыляйся!
Ничто не стоит
внимания большего,
чем любовь!

Белые клипсы.
Ушко – красиво.
Локон над вами,
как херувим.
У той, которая вас носила –
вырез платья неуловим.

Любовь – половодье.
И в ней – всё вечно,
как месяц,
как солнечный луч в реке.
И тиканье часиков на руке
похоже на пульс сердечный.

И этот на стенке
цветок из гипса,

и платье на стуле,
что клин журавлей...
Есть черные клипсы
и синие клипсы.
Но белые всё-таки мне милей!

Помнят они
шепоток и ласку,
мягкий лимонный
пух над губой.
Как хорошо,
сбросив будней маску,
вдыхать выдыхаемый
воздух тобой!
Как хорошо
поцелуем греться
и слушать истомный
огонь души:

- Положи меня,
как печать на сердце,
как перстень в ладонь,
положи!

Белые клипсы,
сегодня, где вы?
Я вовсе ни капельки
вам не лгу.
Паводок... Март...
Судьбы колея.
Зачем мечтания,
если я
рядом быть не могу?!

О, белые клипсы!
О, скромный столик!
Очей забытьё
и мольба без слов...
Я с вами согласен:
ничто не стоит
внимания большего,
чем любовь!

* * *

Почти потух последний луч заката.
И темнота сгустилась в рыхлый ком.
Цветёт акация,
и ливень аромата
набился в мою комнату битком.

В твоей душе отказа не встречаю,
и миг любви восторженно ловлю.
Где ничего вокруг не замечая,
в улыбке даришь нежность мне свою.

И слышишь дивной музыки звучанье...
Ведь я, как ты, давно уже хочу,
чтоб пролилась в чарующем молчанье
мелодия взаимных наших чувств.

* * *

Дерзанням нашим
несть конца и края.
Ну а в итоге –
лишь кровавый пир.
Ведёт дорога к Храму
неземная,
где всё старо,
как этот бранный мир.

Всё так же бравый шаг
чеканим – с левой.
А в правой –
посох странника руке.
И яблоко, надкушенное Евой,
ньютонюнов новых
лупит по башке.

СМЯТЫЙ РАССВЕТ

Быль

1

Всходило солнце счастливо и ало,
преображая всей округи вид.
С высокой ветки яблоко упало.
Оно сорвалось, как метеорит.

И сердце в грусти сумрачно забилося
посреди ночи звёздной и большой.
Сорвалось резко. Шлёпнулось. Разбилося,
заржавев чистой сахарной душой.

И беспокойно ветка закачалась.
И ветра натянулись удила.
Как будто что-то с яблонею случилось,
с которой Ева яблоко сняла.

В оркестр сверчков суровой нотой горечь
прокралась, и мажор свела на нет.
И тяжело вздохнул угрюмый Ольжич –
уже старик в неполных сорок лет.

Очищенный страданием и болью,
он волю встретил, как зарю сурок.
Все двадцать лет была его юдолью
тюрьма, а раем – неба лоскуток.

Проступок, в сотах памяти хранимый,
звучал в душе, как скорбная струна.
Хоть не всегда виновен подсудимый –
судьба почти всегда предрешена.

Шестнадцать было.
Полдень. В классе каждом –
портрет вождя над школьною доской.
С ним утоляло детство знаний жажду.
С ним день грядущий виделся легко.

Но как-то вдруг на переменке жаркой,
где шалостей ребячьих детский пыл,
нет, не в соседа Ольжич –
грязной тряпкой
со всего маху в Сталина вlepил.

Нечаянно.
Но замер класс в испуге.
Куда девались прыть, и раж, и смех.
Притихли все. А к вечеру округа
уже поступок возводила в грех.

О, культура дич! О, сила раболепья!
О эйфория вздыбленной страны!
Когда б не вы, не льстивое отребье,
то на подростке не было б вины.

Всегда искать мы любим виноватых,
но не в себе – и в этом соль всех бед.
Наш в солдафонстве зла исток проклятый.
Как ныне говорят – менталитет!

Вражда смешалась с чувством долга,
чести.
Покрылся блеском чванства идеал.
И фанатизм, замешанный на лести,
воздвигнул тирании пьедестал.

Тащили в суд. Держали речи хлётко,
старанием всё тех же самых масс...
Под утро «воронок» увёз подростка.
И дело здесь не в Сталине, а в нас.

Мордовия. Этапы. Непогода.
Безропотно чужую кару нёс.
Ну а потом, когда пришла свобода,
его свободно взяли в леспромхоз.

Душа запела так, как в чистом поле
сверчки поют в вечерней полутьме.

Спешил на труд и верил,
что на воле
куда добрее люди, чем в тюрьме.

А разве как-то быть должно иначе,
ведь каждый день глядят на них цветы,
под пенью птиц с детьми играют в мячик,
ныряют в пруд хрустальной чистоты.

И ходят в клуб дорожкой весёлой.
Танцуют. Встреч сбывается мечта.
И песенный задор на весь посёток.
И ни одной овчарки – красота!

Контора. Домик на краю посёлка.
Он – счетовод: всё тот же раб труда.
В бухгалтерях – курносенькая Олька:
год как из институтского гнезда.

Подальше от родительского крова
умчалась в романтическую даль.
Друг друга понимали с полуслова,
но о Вожде никто не вспоминал.

И, когда жизнь надсадную отжил он,
когда с собой все хлопоты унёс,
то полпосёлка за Вождём тужило,
а пол – смеялось, тоже ведь до слёз!

2

Весна. Простор мечтаньям и секретам!
И сердце не вмещается в груди.
И дали перламутрят первоцветом.
И, кажется, - вся радость впереди!

И Ольжич мой глядится в них несмело.
Душа в согласьи с каждым лепестком.
Но совсем оттаивает тело
от карцеров, набитых сквозняком.

Грядущее терзает сердце мутью.
А дни бегут. И прошлое, как тень.
И яблонь цвет.
И Оля с пылкой грудью
перед глазами каждый Божий день.

Печаль-тоска сжимается пружиной,
готовая всё тело разорвать.
Ещё ни разу небыл он мужчиной –
пуста и холодна его кровать.

Не открывалась томность его глазу,
не окунался в ласки с головой.
Да, что постель – и издали ни разу
не видел Ольжич женщины нагой.

И сердце гулко, жалобно стучится.
И неприютность ломит у виска.
Ну разве могут с чем-нибудь сравниться
под кофточкой два жгучих бугорка?!

Глядел на Олю с тайной сокровенной
что родилась в мечтах его невдруг.
И среди ночей бессонных и безмерных
неодолимый брал его испуг.

И неспроста. Была тому причина.
Всему свой срок цвести и увядать.
Сильнее хвори гложет грудь кручина.
Ну, хоть бы краем глаза увидать

блеск наготы и стыд её и смелость,
что где-то там под кофточкой хранит
доселе им неведанную спелость.
И волшебство, и музыку таит.

С округи всей цветы носил в контору.
Тайком касался Олиных одежд.
И взгляд её, подобный птице взору,
блеснул и опылил цветок надежд.

Стал прытче шаг от буйства чувств
подснежных –
в глуши несносной скучно ей жилось.
Среди мужчин и местных, и приезжих
внимательней, чем Ольжич – не нашлось.

И, может быть, поэтому друзей
не завела.
Возможно ли с кем сходство,
коль древность рода Ольжичей-князей
явила в глухомани благородство.

Он ей вернул романтики дыханье,
зари лучами словно пропитал.
И самый чудный всплеск очарованья
как будто бы украдкой приближал.

И грудь его наполнилась пыланьем.
По телу стал раскатываться звон
щемящим упоительным терзаньем,
которого ещё не ведал он.

Был поздний вечер. Нет, я врать не смею.
Всё было так, как мыслил древний грек...
Природа пробуждается и с нею
обязан пробудиться человек.

И верь в мечту, хоть зряче или слепо,
но скрытности всегда наступит край.
Звезда сорвалась с облачного неба.
Куда попала – в ад она иль в рай?

... Упала юбка. Смолкло всё в природе.
И да святятся домик тот и час,
и сочный всплеск великолепных бёдер,
изласканных мерцаньем грустных глаз.

Всё было так. В окошке свет нерезко,
но очень уж чувствительно горел.

И кладовщик за серой занавеской,
прикрытою неплотно, всё узрел.

Ехидна жалкий, гнусная болячка!
Вынюхивает всё, ночей не спит.
Луна и та, как верная батрачка,
дорогу ему гадкую торит.

Наутро – смех! И суды-пересуды.
И Ольжич с Олей на устах у всех.
Всё преподнёс доносчик, как на блюде.
Ещё приврал, чтоб смех сменить на грех.

- Позор!
- Разврат!
- Осторожник – чести кража!..
- Пусть леспромхоз набросит удила!..
И девушка, не взяв расчёта даже,
в глухую ночь на станцию ушла.

От языков змеиных, ядовитых,
обратно от романтики – к родне.
А за дремучей рощей с толку сбитый
метался звёздный табор, как во сне.

О, нравов дичь! Всё ищем виноватых,
нет, не в себе - и в этом соль всех бед.
Наш в самохвальстве зла исток
проклятый.
Ну, что сказать, - таков менталитет!

Уехала. Совсем! И сердца лучик,
слегка оттаяв, съёжился... погас.
И порицаний вновь всклубились тучи.
И сразу тряпка вспомнилась и класс...

Уехала! Рассвет за лесом смялся.
Тропа, как рана, в ландышах лежит.
Через неделю Ольжич мой скончался,
посёлка пересудами убит.

МАМИНА СЛИВА

Степи... Степи! И камня откосы.
И квозь трав изумрудный туман
прочеркнулась прямая дорога
далеко за кремнистый курган.

За судьбины моей перекаты,
где как будто бы в праздничный день,
на развалинах маминой хаты
зацвела голубая сирень.

Запуржила.
Пахучим нектаром
безответно во мне разлилась.
И былинная сила не даром
красотою земной убралась.

И души моей зябкой порывы
по округе по всей разнесла.
От посаженной мамою сливы,
с каждым годом всё больше тепла.

И тревога всё выше, объёмней
за звенящий хрусталь родника,
за желанье любить неуёмней
эту слёзную песнь ивняка.

Пусть гроза. Пусть дороги размыты!
Мамы голос из кроны – знаком:
«Ах, сынок
если вздумаешь мстить ты,
мсти, пожалуйста, только добром!»

ЗАВИДНОЙ РОСКОШЬЮ ГОРДА

1

Блики в саду паутинок.
Листьев волшебный полёт.
На синеве сентябринок
осы ведут хоровод.

Тополь, шуметь переставший,
лето на землю струсил.
Но и листву потерявший,
он безупречно красив.

А, где ступил осторожно
ворон в прохладу лучей –
неотвратимо тревожно
всхлипнул вечерний ручей.

2

Дохнул холодами восток.
К осеннему склонен настрою,
не каждый упавший листок
плениет своей красотой.

Но все их багрянит закат.
Под ветра мажорное соло
пе-
ре –
бе гают асфальт,
как школьники, стайкой весёлой.

А этот – совсем неказист,
отбился от всех
и сторожко,
усевшись на мокрый карниз,
воробышком смотрит в окошко.

3

Повсюду пламень увяданья.
 По небу – птицы, как кресты.
 И гнев таится в ликование
 кружащей взвихренной листвы.

Сдавило горло мне удушье.
 Рассвет, как будто изнемог.
 Туман студенистый, растущий
 на куст боярышника лёг.

И обезлиств,
 чёрной стаей
 в конфузе клёны от стыда.
 И только ива золотая
 завидной роскошью горда!

4

Слякоть. Вымокшие брёвна.
 Рядом – вспахан огород.
 Солнце куцо и бескровно
 заползло за небосвод.

С поля холода движенье,
 как затмения фугас.
 Только всё ж
 после затмения
 обострённей видит глаз.

Хоть и слаб я на терпенье –
 встречу всё-таки весну!
 ... Станет Вечностью Мгновенье
 лишь за грань перешагну!

* * *

Александру Паиковскому

Жизнь меняется...
Не знаю:
к лучшему иль к худу.
У кого-то – хата с краю.
Кто-то – в гуще будней.

И, гнобя в себе раба,
есть ли чем гордиться?
То ли пятится судьба,
то ль вперёд стремится.

Отделились потихоньку
от народа власти.
Деревянный подоконник,
заменяв на – пластик.

Не цветут, как было, вишни,
не глядят в окошко.
Оказалась людям лишней
на селе гармошка.

Мало дела.
Много слов.
Где ты, Божья милость?!
На цепи не стало псов.
Воля – в стаи сбилась.

СЕЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Ещё село не спряталось во мраке,
где на юру о вечном грезит Храм.
Во всех дворах отлаяли собаки,
и разбрелись коровы по хлевам.

И тишина вечерняя настала.
Камыш о чём-то шепчется с рекой.
Заря ковшом багрянец расплескала
и проводила солнце на покой.

Упал туман на дремлющие воды,
как колдовской с прищуром ведьмы глаз.
С уклона тень спустилась в огороды,
и день за крайней хатою погас.

* * *

Вот и снова плохо сплю ночами.
Нарастает дивный непокой.
С первыми весенними лучами
возрождаюсь телом и душой.

Ощущая веянье рассвета,
беззаветно в мир дерзаний рвусь,
где синица приглашает лето,
всколыхнуть желанье свежих чувств.

Где горят серёжки на берёзах.
Изумруд чистейший вдоль аллей.
Где, твои высушивая слёзы,
обжигаюсь нежностью своей.

СЛОМАННАЯ ВЕТКА

В роще у затона
птичий пересвист.
Молодого клёна
встрепенулся лист.

Юная соседка
жалобно поёт.
Сломанная ветка
По реке плывёт.
Сломанная ветка –
яблоневый цвет.
Несказанно редкой
прелести букет.

И весна ей – осень.
Кто ж это живьём
отломал и бросил
в муть воды её?

Плывёт, подчиняясь
прихотям волны,
больно ударяясь
о коряг углы.

В небеса глядится –
солнце ищет там.
Хоть и лепестится,
но не быть плодам.
Не вдыхать их алость
утренней заре,
не дарить их радость
шустрой детворе.

Юная соседка
песенку поёт.
Сломанная ветка
по реке плывёт.

ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОК

Детство вспоминается. Курганы.
За волною каменной – волна.
В поле жёлто-красные тюльпаны.
В крутоярах зной и тишина.

Терриконов стайки, словно братья.
Им бы только Небо обуздать.
У барака в сливах – голубятня.
Столько голубей – не сосчитать!

С детворой рудничной не играю.
У меня заветный свой секрет.
Из породы уголь выбираю –
обещал отец велосипед.

Не впервой взбираться высоко мне.
Террикон дымит, как змея пасть.
А на нём - блестящий и знакомый,
уголёк играет, как алмаз.

Насбирал угля и заработал.
Радость перехватывает грудь.
Ну, кому не хочется потрогать
колесо, багажник или руль!

Еду! Путь в ухабинах рутинных.
Вдоль дороги марева слои.
А в пыли в лепёшках лошадиных
пропитанья ищут воробьи.

ИСПОВЕДЬ

Я иду по листьям, в землю вмокшим.
В грязь раскисла торная тропа.
На плечах – за жизнь бушлат изношен.
С неба сыплет снежная крупа.

Предо мною
лет минувших крошево.
Потому и на сердце тоска.
Столько невозвратного хорошего
промелькнуло, словно облака!

С детства и ранимый, и грустный,
я давно ко многому остыл.
То, что мне казалось непростимым,
я б сегодня с лёгкостью простил.

Ну а где-то б сам пришёл с повинной,
и челом к коленям бы припал.
Собирая ягоду-малину,
кланяется даже генерал.

Что побито шашелью напасти,
от себя давно уже отторг.
Ну а что пронизанное страстью,
то и дарит радости восторг.

Прытко к независимости рвался,
но, когда зажёт тоски свечу,
понял: независимость – прекрасно,
в дружбе быть зависимым хочу!

Хоть прошёл колдобины и гати –
сам в себе в итоге заблукал.
Я и дел достойных не стяжал,
и страну Великую утратил.

* * *

Взгляд постылого вечера - бросовый
посылает холодный закат.
Осыпается цвет абрикосовый
на умытый дождями асфальт.

И за солнца суровую стынью,
где кончается грома раскат,
Млечный Путь загорчил мне полынью,
словно сокол позвал соколят.

Словно день, что казался мне светел,
простонал в межусобицах пут.
Словно я позабыл, что на свете
люди только лишь раз и живут.

Что грустит об упущенном старость –
всех побед невозможно стяжать.
Что Добра ведь не всякую тяжесть
на плечах нам дано удержать.

А моё золотое наследство –
тот далёкий родительский дом!..
Зайца след, уведи меня в Детство
по заросшей тропе бурьяном.

По репья неотвязного жути.
и во двор заведи, будто в зал,
где на небе средь сумрачной мути
я Божественный свет увидал.

Пусть по грудь обожгут меня росы.

Пусть обидам не будет конца.
Только б вечно цвели абрикосы
и ждала меня мать у крыльца!

* * *

Лета мои – за перевалом:
осенний сад.
Но всё же в нём листва опала
ещё не вся.

Ещё не все увясть успели
бутоны роз.
Ещё в душе кружат метели
сердечных грёз.

Чем холоднее, тем дороже
тепла уют.
На юг слинял скворец, но всё же
клесты – поют!

Ещё пьянит и манит мята,
волнует грудь.
И мой, до полного заката
неблизок путь!

ИСПОВЕДЬ

Я иду по листьям, в землю вмокшим.
В грязь раскисла торная тропа.
На плечах – за жизнь бушлат изношен.
С неба сыплет снежная крупа.

Предо мною
лет минувших крошево.
Потому и на сердце тоска.
Столько невозвратного хорошего
промелькнуло, словно облака!

С детства и ранимый, и грустимый,
я давно ко многому остыл.
То, что мне казалось непростимым,
я б сегодня с лёгкостью простил.

Ну а где-то б сам пришёл с повинной,
и челом к коленям бы припал.
Собирая ягоду-малину,
кланяется даже генерал.

Что побито шашелью напасти,
от себя давно уже отторг.
Ну а что пронизанное страстью,
то и дарит радости восторг.

Прытко к независимости рвался,
но, когда зажёт тоски свечу,
понял: независимость – прекрасно,
в дружбе быть зависимым хочу!

Хоть прошёл колдобины и гати –
сам в себе в итоге заблуждал.
Я и дел достойных не стяжал,
и страну

* * *

Неожиданно с бухты-барахты
распахнулся простор голубой.
Словно это я вышел из шахты
и иду через поле домой.

Вдохновения полный и мистик
у обрыва, пахучий, как мёд,
бело-розовый тысячелистник
под ногами роскошно цветёт.

Через поле иду, через склоны.
Волны марева бьют в окаём.
Обступили меня терриконы,
в каждом думы о чём-то своём.

Им, покрывшимся времени ржою,
много помнится всяческих сцен.
А картофель цветёт за межою
так, как цвёл до поднятия цен.

Храм, хранящий в себе гербициды,
гаснет куполом. Рядом, как тать,
трут суконкою яблоко дылды,
чтоб на рынке дороже продать.

И стучит им старуха клюкою.
И суровеет тень ковыля:

- Не пшеницей – травую худую,
покрывается наша земля!

Только лучшее, чтоб не обидеть
и огульно не клеить вину,
я желаю всех добрыми видеть
на земле,
словно душу одну!

* * *

Душист аромат от сосны.
Струится к берёзоньке белой.
И ветер – глашатай весны,
в низине вздремнул разопрелой.

И кажется, нету движенья
у ясеня с ивой в крови.
Но бездну таит наслажденья
порыв притяженья любви.

Что было недавно уныло –
взбодрилось от стылых ночей.
Ведь солнышко снег подточило,
и хлынул оврагом ручей.

Кудахчут на выгоне куры.
И кочет свой выказал пыл.
И вечер, вчера ещё хмурый,
медовую радость разлил.

В городке захолустном

Из ранее неопубликованного
70-90е годы 20 столетия

ПОСОХ

В руке держу я посох суковатый –
тяжёлый, потемневший от дорог.
Пuls ощущая в ручке буроватой,
я им тропинку пробую у ног.

Отцовский puls...
И тем сейчас горжусь я,
что батяка мой, задумав умирать,
просил родню,
когда от книг вернусь я,
в наследство этот посох передать.

В руке моей отцовский посох-яшень.
У комеля полынной пыли ком.
Он слишком кровно
был с Донбассом связан,
чтоб не пропахнуть
угольным дымком.

Я помню степь, шуршащую атласом,
кругляк Луны и батяки бас:
- Гляди!
Взошла звезда
над трудовым Донбассом,
но только свет её ещё в пути!

Ещё с земли не видим он для глаза,
но ты в него напористее верь!

В нём сила духа крепче от алмаза
и в мир Добра распахнутая дверь.

...В руке держу я посох суковатый.

И тянет, тянет он меня:

- Иди

в большую жизнь!

В горнило дел крылатых,

на свет отцом увиденной звезды!

В ШАХТЕ

Ногами в тяжёлую грязь вrostая,
железо чувствуя каждой порóй,
с углём
вагонетку на рельсы ставят
два молодых шахтёра.
Ещё неумелы движенья их.
Хэбэ не совсем по росту.
Но в сдвинутых круто
бровях густых
ворочается упорство.
Грозит чернотой глубины уклон.
А хлопцы, потеют, борются.
Ставят на шахтные рельсы вагон
и сами на них становятся!

* * *

Идём по штреку –
чёрные, как черти!
Несём бревно
на взмыленных плечах.
Для приподнятья тяжестей
у клетки
оно вполне послужит,
как рычаг.
А нам иных свершений
и ненужно.
Дорогу к солнцу,
время, окрыли!
Работою возвышенные,
дружно
прокладываем рельсы
в глубь земли.
Гудят под кожей мускулы,
как шпалы.
Азарт взрывчатки
яростней «Катюш».
И спины цвета
воронёной стали
нам закаляет
вод подземных
душ!

* * *

На поверхности ночь.
Звёзды дождиком вымыло.
Рассиялись они,
как сосновая смолка.
А в забое у нас
напряжение выбило
в самый жаркий момент.
и работа умолкла.

- Слесарь! .. Слесаря в штрек! –
закричал звеньевой.

Но братва уже начала
поиск причины.
И, когда обнаружился
в фазах пробой,
не сдержала крутой матерщины.
Аж просыпалась кровля
у тверди земной.
Но причину пошла
устранять что есть мочи.

Трудовая заминка.
Аврал под землёй.

...На поверхности ночь.
Спит посёлок рабочий.

НАЧАЛО СТРАДЫ

Скоро рожь комбайны атакуют.
Вот уже, и кряжист, и высок,
агроном
на спелость восковую
пробует ядрёный колосок.
Зной ничем на поле не унять.
Только люди знают хлебу цену.
В эту пору
с поля убежать
всё равно, что совершить измену.
И комбайны сгрудились плотней.
Колыхнулось знамя мирной сечи.
... Чем в ладони зёрна тяжелей,
тем рука их взвешивает легче.

ВЕЧЕРНИЙ ПЕЙЗАЖ

1

Ложится дымка вечера в саду
на тёрна куст, плодами округлённый.
Ведёт сельчанин лошадь в поводу,
трудом крестьянским
умиротворённый.
Издалека любитесь им речка.
И тем простор окрестности согрет,
что отдыхают пальцы на уздечке,
а не на кнопках ядерных ракет.

2

...Века бегут.
И всем постигнуть нужно –
иные формы обретает честь.
Там, где бряцают
атомным оружием,
нет воинов – одни убийцы есть.

* * *

Тощий летний полдень
стынет над церквушкой.
Грач похож на вражий
страшный самолёт.
С бабушкой согбенной
внучка-щебетушка
в магазин за хлебом
улочкой идёт.

Внученька резвится.
Внучке петь охота.
Для неё свернулась
вся земля в свисток.
А в глазах у бабушки
вечная забота.
Похоронок волосы
выбелил снежок.

Тихая. Но в сердце
столько беспокойства! ..
Кроткая. Но корень родовой
глубок.
И земля ей кажется
чёрною и чёрствой,
хрупкою, как в поле
хлебный колосок.

ГЛАЗА

Взрыв метана! ..
И вся ты в слезах.
Руки горько
в рыданиях увязли.
В душном штреке
его голубые глаза
вспыхнули и ...
не погасли!

Не погасли!

И пусть кто-то скажет:
- Слепой!

Зрячий он!!
Кто перечить возьмётся,
если ты ему стала,
девчонка – женой:
терпеливым и ласковым
солнцем!

* * *

И всё же такое случиться
лишь в подлое время могло:
не колокол в душу стучится,
а в звук - облачённое зло.

Прошу со слезами прощенья.
О, Господи! – в ризах святых
крапает доносы священник
на ближних и дальних своих.

И нет ни убогому скидки,
ни тем, кто с тугим кошельком.
Он всех обдирает до нитки –
«помазанник» Божьим перстом!

* * *

...Как будто небо выпростало зрак.
Плетётся тень дорожкой кривою.
В глуши дубов
бревенчатый барак
покрылся грустной листвою.

Скулит бездомной лайкой тишина.
Уже совсем тепла она лишилась.
...Беременная месяцем луна
в кустарнике холодном разрешилась.

Я СТОЮ, ОЧУМЕВ

- Покупайте поэзию! –
Бросил словцо я.
Но пунцовые щёки
ко мне повернув,
«буженина с глазами»
в шубейке песцовой
изрыгнула улыбку,
на книгу взглянув:

- Это, в общем, неплохо,
что с лирою дружные.
Я ведь тоже на случай
могу срифмовать.
Но народу сегодня
стихи ведь ненужные...
Нам бы хлебца чуток
всухомятку сжевать.

И собаку Танетту
сняла с поводочка:

- Ну, побегай по скверу,
А то отгуплю!
Перестань! Не лижись!
Ах ты, глупая дочка! ..
Я за это тебе
шоколад не куплю!

Я стою, очумев.
Не могу отдышаться.
Обрывается сердце –
ни шагу вперёд.

Неужель ожиревшая
эта вот цаца

в самом деле и есь
наш могучий народ?

Неужели легко,
словно в баню сходили,
отреклись от святынь
и не видим в упор,
что поёт нам псалмы
хуже, чем панихиду,
не священник,
а ловкий придворный
актёр?!

КАСТРЮЛЯ

Во дворе
клён продрог от мороза.
В хате жарко,
как будто в июле.
И цветёт на окошке мимоза
в старой алого цвета кастрюле.
По бокам много вмятин крутых.
На веку столько всякого было! ..
Но варила в ней мама супы
и детей своих сытно кормила.
Как сбежится к столу ребятня,
что стоял возле старой кислицы.
Пусть был суп – затируха одна,
но мясной с ним сейчас не сравнится.
Память сердце тревожит моё.
В каждой вмятине солнце играет.
Набирался я сил из неё.
А сегодня –
цветок набирает.

* * *

Неприкаянно, хмуро и плоско,
там, где мусор,
насыпанный горкой,
о забор опершись,
у киоска
дремлет в свитере
пьяница горький.
Он когда-то, конечно, не пил.
В безответно года молодые
он девчонку соседскую очень любил.
Развели «добродетели» злые.
Как подрубленный тополь, стоит.
Не лицо, а комок укоризны.
Хоть ещё он листвою шумит,
но уже не жилец в этой жизни.

* * *

Кровоточащие раны,
что клубок гремучих змей.
Алкаши и клиптоманы
рвутся к власти, хоть убей!

Всё в их подлом арсенале:
и шантаж, и клевета,
и кричащие экраны,
и кривая прямота.

Насквозь их натуру вижу.
Чтоб достичь успеха – зад,
пока шкуру не пролижут,
будут сильному лизать.

ДЖОКОНДА

1

Дождик сеял:
слепой, паутинный.
И потоками хлынул мне в след
клейкий запах листвы тополиной,
только-только увидевшей свет.
Мимо женщина гордо прошла.
Улыбнулась, как будто Джоконда.
И я понял:
на чувственном фронте
у меня незавидны дела.
Как изящна она и как сладок
губ нектар, что чарует, маня.
Хвост волос, переброшенный набок,
истерзает томленьем меня!
Барабанит по зонтику дождик.
На Джоконду гляжу удручён.
Приложить бы к груди подорожник,
только душу не вылечит он.

2

- Ах, родная!
Ты – песня сердечная!
Как хочу на дорогах земных,
чтобы встреча с тобой была вечною,
а разлука – лишь только на миг.

Позвонить! .. Но в недоброе верую:
вдруг случайно поймёшь всё не так.
Ведь любовь к тебе, милой,
безмерная!
Но об этом сказать тебе как?

Мысль бунтует:
«Напрасно не майся!
То, что было, назад не зови! »

Ну а сердце шпыняет:
«Решайся!
Нерешительность – гибель любви!»

3

Осенний бриз...
Кошмарен твой приход.
Зачем опять напомнил мне былое?
Отчалил от причала пароход
и тень поцеловалась со скалою.
Петлёю дыма вздох мой заглушил,
когда рукою с палубы взмахнула.
...Давно уже на пирсе ни души.
А на скале – ожёг от поцелуя.

4

Я тебя не узнал.
Ты прекраснее стала,
хоть совсем нелегко
по ухабинам жизни прошла.
По движенью души
истомлённой моей угадала
ту же самую боль,
что и сердце моё обожгла.
Я твою узнаю
горделивую трудную долю,
что в чистилище Храма
зажгла золотые огни.
Я стремился к тебе.
Шёл, как будто
по минному полю.
И готов был взорваться,
но рухнуть в объятия твои.

БЕЗМОЛВЬЯ КРИК

1

В Средневековый город,
как на суд
былого с нынешним
вхожу под взор монашки.
На приступ крепостной стены
ползут
отчаянно завидные ромашки.
И не сломить радушного напора.
Ползут,
отважным воинам подстать,
чтобы величье
Домского собора
своим целебным чувством напитать.
Ползут!
И камень корчится от страха.
И каждая в стремлении – честна.
...Как будто бы ревнителем-монахом
прикрыла Храм от ереси сосна.

2

В Средневековом городе – толпа.
И в новый век
не меньше стало плутней.
Но нету у позорного столба
ни ловких подсебятников, ни трутней
и не вельможных прочих подлецов,
кого б от скверны чистить приговором!
Им заплевали предки бы лицо,
а мы, гордясь,
заискиваем хором.

Стою. Безмолвье древнее окрест.
Что облако и наша жизнь промчится.
Собора шпиль,
как будто Божий перст,
над ближним учит нас
не возноситься.

ТОЛЬКО БЫ...

В. И. Демченко

Копится грусть и усталость.
Просится в сердце покой.
Сколько бы жить ни осталось –
был бы Всесущий со мной.

Только бы нечисти рати
словом суметь обуздать.
И ни на миг не утратить
чувства – чужим сострадать.

Только бы в памяти пылко
грудь поцелуи мне жгли...
К горестной мужа могилке
ноги усталые шли.

В сердце – цветы распускались.
Щедро родил виноград.
Как бы мы с ним миловались,
если б ни злостный инфаркт!

Лучшие годы уплыли.
Больно, а всё же держусь.
Только б сыны не забыли
с детства оладушек вкус!

У РЕКИ МИАСС

Есть душа в этом облаке русом.
Как тревожно в нём плещется свет! ..
Если здесь на Миассе рассвет –
значит, зорька зажглась над
Миусом.
День родился на диво погож.
На калиновой ветке – рубины.
Если глянешь вокруг –
ежевику сорвёшь.
Ну а сделаешь шаг – то отпробуешь
ягод рябины.
Здесь она по-уральски горька,
но не горше, чем там –
на Миусе,
где, как только нагнёшься,
то гильза торчит из песка,
ну а сделаешь шаг –
то осколок смертельного груза.
Высока она – жизнь.
И, как память, горька.
Сколько в ней беспокойного света! ..
Может быть от того,
что она высока –
быстротечна, как облако это.

НА ФРОНТЕ

Из Ивана Савича

Охвачены злобой и горем,
в промёрзлой, как камень, земле
могилу мы братскую роём
в войной затянувшейся мгле.

И катятся, катятся слёзы...
Готова! Прощаться пора!

Их, скованных – девять – морозом.
Десятой была – медсестра.

Ей лишь девятнадцатый! .. Боже,
как мало ей выпало жить!

Неможна, решаем, негоже
в могиле ей с хлопцами быть!

И волю собрав неземную,
мы – новую начали рыть,
чтоб нашу сестричку родную
святее святых хоронить!

ВРЕМЕНА ГОДА

Лето

Ранний июльский звонок...
Вы отвечаете томно.
Простыни белой комок
ластится к ножке нескромно.

Не потому ли тайком
так захотелось, балуя,
не телефонным звонком:
Вас разбудить – поцелуем!

Осень

Тумана ласкающий шелк
продёрнул прохладой поляну.
В лесу я грибов не нашёл,
но встретил зато Несмеяну.

Был кроток и строг её взгляд.
Но он не поддался испугу.
И хоть не нашли мы маслят,
зато улынулись друг другу.

Зима

Двор, как будто бы хрустальный.
И не в шутку, а всерьёз
на рассвета наковальне
ясный день куёт мороз.

От ударов – звон лучится,
откровенен и могуч.
Так куёт, что снег искрится
на медвежьих шубах туч.

На балкон соседка Валя
вешать вынесла бельё.
Пар задорный так и валит
от ядрёных плеч её.

От него – округе жарко.
Млеют грудей закрома.
И с крутой горы на санках
мчится весело зима!

Весна

Спасибо весеннему цвету! ..
Вновь хочется верить и жить.
И чувства завиднее нету,
чем к милой на встречу спешить.

Целующей росой рясна
мне в душу весна окунулась.
И кажется мне, что она
лишь краешка счастья коснулась.

Колотится сердце в груди.
Ведь счастье ещё - впереди!

ФРАГМЕНТ ИЗ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ

Такую увидел картину:
здоровые, как быки,
сажают берёзки
в глину
рослые мужики.

Фотограф, слегка лупатый
всех в объектив берёт.
В руках черенок лопаты
кажется мне – поёт.

Вгрызается заступ смело,
словно шахтёр – в забой!
Как будто перед расстрелом,
берёзки стоят толпой.

Смотрится всё весома
так, что азарт берёт.
Только ведь чернозёма
каждая лунка ждёт.

Последний росток посажен.
Глина горит, как жар.
Но результат неважен,
главное ведь – пиар!

Итог, как известно, бросок.
В буйство вошла весна.
... Из двадцати берёзок
выжила лишь – одна!

КРОТ

А день и чуден, и красив –
тепло весны учуял.
Под шёпот яблоней и слив
от суеты врачует.

Хоть огород ухожен, сад –
стараюсь понемножку.
Но крот,
как наглый диверсант,
всю вычестил картошку!

Душа измучилась от мук.
Стою, как сбитый с толку.
Уже нацелен он на лук
и на чеснок, и свёклу.

На всходы сунется, как тать,
и нагло, и доволью.
И надо в руки себя взять
и действовать достойно.

Прошу прощения, друзья.
Ни чуть не суесловлю.
И, хоть некровожаден я,
а самострел готовлю!

ЖАЖДА ПРАВДЫ

Прошибает мороз до костей
правдой жизни,
спрессованной в строки.
Но подобного рода страстей
только жаждет характер высокий.
Приукрасишь – получится ложь.
Стих без правды - неважный оратор.
Если «воду» из строк не сольёшь –
он размёрзнется,
как радиатор.

ЭПИЛОГ

Из Юрия Слипко

Не в светских залах – на виду людей
я прожил жизнь и добрую, и злую.
И очень полюбил простор степных полей,
и правды прямоту, и доброту людскую.
Простите, если я кого-то оскорбил.
Склонённое чело терзает сердце болью.
Я сам полжизни оскорблённым был
изменою друзей и первую любовью.

Но всё же я люблю и розы по утрам,
и в поле пыль дорог,
и спор, и приступ жажды,
когда усталость вдруг прицепится к ногам...

Я умирал не раз, но и родился дважды.

Нет, я не очерствел, хотя и испытал
и мерзостную ложь, конвой, этапы века.
Я чистого питья с собой в дорогу взял.
Зовут его Добром и Верой в Человека!

Неожиданные портреты

и раздумья

В ШУШЕНСКОМ

*Отправляясь к мужу в ссылку,
Надежда Крупская взяла с собой
семена цветов.*

Прогрело землю
солнце с высоты.
Весна.
Хлопоты в людях и в природе.
Сажает Надя Крупская цветы
на свежей грядке,
вскопанной Володей.
Ещё робка
семян цветочных жизнь.
И то сказать – не южная погода!
Но на держак лопаты опершись,
уже он весь с Надюшею
во всходах
фиалки, флокса, в завязи гвоздик,
что новой жизнью брызнут,
пламенея.
Глядит на них с ухмылкой мужик:
- Гвоздики здесь! ..
бесплодная затея!
А Ленин взял в ладонь семян со стула.
Подсел к супруге рядышком.
Притих.
И вся Сибирь угрюмая взглянула
анютиными глазками
на них!

СТАЛИН

*Всегдашнее мягкосердечие
несовместимо с великостию духа.
Великие люди видят только общее.*

Н. Карамзин

Иосиф Сталин...
Русла рек
меняют годы.
Я менялся.
Когда-то в юности своей
о нём нелестно отозвался.
А он, - дивуя целый свет,
на благолепия надеясь,
страны убогой
путь в сто лет
преодолеть сумел
за десять!
Да, был жесток и лицедей,
но вором не был и в помине.
Богатства Родины своей
преумножал, не мнил своими.
И тюрьмам знал,
и ссылкам толк.
Имел за это долю злую.
В ботинках стоптанных ушёл
за грань холодную земную.
Растапливая рабства льды,
под гул свершений и наветов
он вырвал сердце из груди,
отдав его
стране Советов.

ДВА СЛАВЯНСКИХ КРЫЛА

Даль с Гринченко –
два мощных славянских крыла,
несказанно-загадочной птицы,
с дивным сердцем, не знающим зла,
что в груди богатырской стучится.

Взмыла птица и солнце во мраке взошло!
Набирать высоту – непростая работа.
Ненароком изрань ей любое крыло
и не будет большого полёта!

* * *

На небе Бог незримый –
творец благоуханья,
где звёзды – рой пчелиный,
а улей – Мирозданье.

Ну а судьба – родимые просторы,
и потому меня не исчерпать.
Внук землепашца я
и сын шахтёра,
и рыбака с великой Волги зять.

Я – украинец –
факт неоспоримый.
Во всех краях об этом знают пусть.
Великой силой правды одержимый,
чьи корни глубоко уходят в Русь!

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

О, Пушкин! .. Пушкин!
В горле ком.
От печали – одиноко.
Гения убить легко
то ли пулей, то ли словом,
то ль невежества плевком.

Коль велик, то - уязвимый.
Знает это тот, кто чёрств.
Кто во зле неукротимом
без промашки сводит счёт.

Не с того ль мурашки – зыбью.
Ведь мелка ничтожно мразь!
А в него, в такую глыбу –
невозможно не попасть!

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

*Стукнул по карману –
Не звенит...*

Н. Рубцов

Долго бился.
И счастье пришло!
Занялось, как восход в океане.
Впрягся в строки сильней –
повезло!
Хоть звенеть и не стало в кармане.
Не маячит богатство вдали.
Только дело не в нём, а в работе.
Деньги – гости:
пришли и ушли,
а стихи жить остались в народе!

У ПАМЯТНИКА М. ГОРЬКОМУ

Растащили мраморные плиты.
Оголённый цоколь мхом покрыт.
В парке одичалом и забытом
Алексей Максимович стоит.
Ветер шёпот по углам разносит,
мол, ударит скоро лютый град.
Но защиты праведник не просит –
устремляет в будущее взгляд.
Заслоняют даль невозмутимо
заросли, похожие на тьму.
Трудно и почти невыносимо
не сдавать позиций одному.
На плечах невзгод былых потёки.
Охватил лужайку всю камыш.
Здесь когда-то пары шли потоком,
а сегодня – забредают лишь.
И, как птицы, листья пролетают.
К веткам их обратно не вернёшь.
Вместо дружбы –
в волчью сбилась стаю
нынешняя наша молодёжь.
Время в сердце втиснулось иголкой.
Каркают вороны, как в аду.
Алексей Максимович, мне горько:
этот путь один я не пройду.
Без конца удары в грудь и в спину.
Что ни шаг, то хамство верх берёт.
Где цвели когда-то георгины –
царственно сорняк верёвки вьёт.
Бесприютно. Сыро. Но стоит он –
и снисходит с неба благодать.
В парке одичалом и забытом
столько в нём души – не исчерпать!
Он стоит. В ручье улыбка бродит.
Гриб шуршит под листовным плащом.
Коль сюда влюблённые приходят,
то не всё потеряно ещё!

ГНЕЗДО НА РАДУГЕ

Той дикой груше лет уже за сто.
Безгиново. Белесый склон кургана.
Гляди, свила на радуге гнездо
поэзия Приблудного Ивана.

И жаворонком в небе разлилась.
Ударила в излучину Айдара.
Над всем Айдара чувствуется власть,
но только не над песни
звучным даром.

Безгиново. Сады набухли соком.
Ведёт тропа на бурной жизни путь.
Рукав реки,
заштопанный осокой,
лучей ладонью машет:
- Не забудь!

- Крепись! –
Кричат подгнившие кресты,
когда к тебе распутица придёт.

И предки шепчут травами:
- Расти! .. Расти, Иван,
как в сотах мёд растёт!
И взгляд девичий долгий у ограды
возьми с собой.
Не будешь с ним один
столичных улиц чёрствые громады
оттаивать теплом родных долин.

Ударил град. Рассёк земной зенит.
И радугу в лозняк свалило громом.

...А жаворонка песня
всё звенит
невянущим, степным, российским звоном!

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

У времени на вираже
всё, что непрочно,
то сбывалось.
Тянулась к родственной душе,
но о бездушье расшибалась.

Судьба для яркости тоски
плеснула в страсть ей
дёгтя ложку.
Перекрутила, как чулки,
на изумительнейших ножках.

Но, не смиряясь с миром зла,
которым кичится планета,
одна лишь только и цвела
так дерзко
среди пустоцвета.

Цвела. Все ахали:
- Она
По-чернокнижному лучиста!
Поэт. Блудница. И жена
белогвардейца и чекиста.

Такая туча собралась,
что смерть явилась,
словно милость.
... Верёвка в петлю, что сплелась,
потом в хозяйстве пригодилась.

ДВА ПОЭТА

1

В лёгком обмороке славы
строг Марины силуэт.
В платье чёрном,
как в оправе,
потрясает высший свет.

Но зимой холодной трудной
разве значат что слова?
Дом Цветаевой в Трёхпрудном
разобрали на дрова.

Разметали. Зло и странно
дым над городом повис.
Может, в чьём-нибудь чулане
уцелеть сумел карниз.
Может, полкой стал, порогом
иль ступенькою крыльца...
Ворожея ей дорогу
нагадала - без конца.

...Догорает бабье лето
жгучим блеском седины.
Нет приюта у поэта,
значит, нет и у страны!

2

Совсем истощённого Блока
во сне я увидел опять.
Как холодно и одиноко
ему на вершине стоять!

Никто на неё не взберётся.
Никто не подставит плечо.
И сердце вот-вот разорвётся.
Душа догорает свечой.

И псы у подножия лают.
И интеллигенты орут.
И женщины им козыряют,
но дальше кулис не идут.

Россия на царских обломках.
Сожжённый крестьянами дом...
Вот даже и ты, Незнакомка,
не с ним поделилась теплом.

3

Тебя искал в житейском море.
Душа кричала:
- Помоги!
Но слышались
в церковном хоре
лишь вихри красные пурги.

И ты искала его глаз,
на каждый стих его, молясь.
Уста решительность отшибли...
Но если б встретились хоть раз –
по одиночке б не погибли!

У ПАМЯТНИКА КОБЗАРЮ

Он, как скала, - Тараса силуэт,
навстречу мне возник из полумрака,
где облака расплылся жёлтый цвет,
похожий на казармы Мангышлака.

Всё позади –
и плац, и зной, что зверь! ..
Он полон сил. Долой летят оковы!
Как будто только вышел от друзей:
Полонского, Тургенева, Лескова.

В грядущее бросает пылкий взор,
рождая изумительные строчки.
Но вдруг увидел сумрачных сестёр
и даму с волкодавом на цепочке,
убогого, склонившегося лестно
перед проходимцем самой марки высшей.

- Голодных для страны иметь полезно! –
Сказал, бросая медь в ладошку нищей.

Застыл поэт. С плеча пальто сползло.
Окаменел, как будто гость незваный.
И с вещей губ сорвалось тяжело:
- О, квіти-діти, - лихо мені з вами! ..

БАХ

Душевного полон размаха,
как вишня в роскошном цвету,
я слушаю музыку Баха,
я в ней, растворяясь, расту.

И вся неустроенность – мелкой
становится в жизни моей.
Обидное видится – мельком,
а важное – глубже, острее.

Мятежного гения вижу.
В кармане его – ни гроша,
но силой всесветлою дышит
его золотая душа.

И мне до трагичного странно,
что нищим покинул он свет,
что звук его вещей органа
сумел замолчать
на сто лет.

Столетие к гению - глухи!
В гуманнейших гимнах – пробел.
Провал обозначился в духе
и Гитлер
родиться успел!

АЛЕКСАНДРУ ПУДИНУ

Казалось всё! Расстались навсегда!
Десятилетия целые промчались!
Вот встретились. Всё так же поезда
гудками ожидающих встречают.

Давай по полной выпьем и нальём
за этот снег, что весело кружится,
что одолели каждый свой подъём,
снедаемые жаждой утвердиться.

Что жизни, непознавшие секрет,
решили:
для дерзаний в мир явились!
И сумасбродный этот белый свет
гармонией исправить устремились.

Но как бы годы
сердце нам ни жгли
волнуют всё ж непознанные дали!
Такие потрясения прошли,
а мы как будто и не разлучались!

* * *

Ну вот настал и новый век! ..
Всё то же солнца полыханье.
И так же в муках человек
не утолит свои желанья.

В тенетах зависти и лжи,
как в славе плещется, - довольный!
То входит в злобы виражи,
то ходит в церковь – богомольный.

То ест икру и в ус не дует.
То ржавой давится хамсой.
То он картошкой торгует,
а то спокойненько – душой!

ТИТАН

Горнило пройдя испытаний и драм,
стоит – величав, неколеблем.
Но время придёт – распояшется хам,
и станет он сломленным стеблем.

Измажется грязью
гранитный камзол,
залепят глаза паутинки.
И будут топтать его бык и козёл,
откладывая мухи личинки.

И прав. И правдив.
Гениально весом
он рухнет без зла и стенанья.

...Изменчиво всё.
Вырождается всё
от алчности, лжи и страданья!

РАБЫ

Ночь.
Подъемные краны.
И небо к дождю.
Страх ступает тропой первобытной.
Петля намертво шею стянула вождю,
от плиты оторвала гранитной.
Простодушного вида,
шустры и грубы,
что прикажут – исполнят железно!
Четвертуют могучее тело рабы –
будет славное идолу место!
И в грядущее свято направленный шаг
рухнул горькою грудю хлама.
И слетает, зубилом подрубленный, стяг,
словно крест
со святейшего Храма.
Набухает роса на остывшей стерне
и под шинами кранов стенает.
... Ночь глухая.
Краснеет фонарь встороне.
Раб подумал,
что это –
 светает!

* * *

Мотают жизнь колёса веретён.
Ушедший день – историею станет.
Чем больше истина,
тем толще слой времён
от глаз людских её оберегает.

Пускай в глубоких трещинах скрижали,
но времена и их прочесть придут.
И тот, кого при жизни не распяли –
через столетье, может, разопнут.
И воскресат.
И вновь к Кресту поставят.
И станут правду пристрастно вселять!
Ему-то что, он – прах!
Душа лишь-память
над ним и стынуть будет и стенать.

Зигзаг веков –
прожилками в кристалле.
Шлефуй – узришь, где весел, где спесив!
Давным-давно потомки доказали,
что Паганини всё же был красив!

Я не ломлюсь в распахнутые двери,
но сдавит грудь порой столетий пал
и думаю:
а, может, и Сальери
какой-нибудь злобивец оболгал?

ПОВСТАНЕЦ

*В 1830 году в болгарском селе Извор
17-ти летний Радивоя Петричев
поднял Восстание против
чужеземного ига.*

...На утро казнь
Из сердца слабость – прочь!
Ущелье стынет чёрными крылами.
В окне луна сквозь аспидную ночь
над Родиной грохочет кандалами.
То он прильнёт
к холодной стенке лбом,
то по сырой темнице ходит, ходит.
И тяжесть мысли тычется в излом
его бровей,
и память скулы сводит.

Ещё он жив –
семнадцать лет ему!
Торопит время – он ещё богат!
Перед зарёй
с невестой разрешат
на целый час остаться одному!

Она войдёт царицею, чтоб жить
его мечтам в зачавшемся рассвете.
Она войдёт
и будет так любить,
как не любил никто ещё на свете!

Ещё он жив.
Туман ещё не вьётся...
Она войдёт – невеста.
Выйдет – мать!
И сразу столько пуль в него вопьётся,
что так он и останется
стоять!

БАЛЛАДА О КОМСОМОЛЬСКИХ ВЗНОСАХ

По земле,
босыми ногами
и с чистой совестью
он шёл – секретарь комячейки села.
Шёл в райком.
И дорога вела
по кишашему бандами лесу,
по разливам весны,
сквозь ощеры скалистых преград.
В узелке материнской косынки
он нёс комсомольские взносы,
взносы – совесть и честь
устремлённых в коммуну ребят.
Налипала на ноги вязучая глина,
свистели
из обрезов
то в спину смерти, то в упор.
Только шёл секретарь!
И с шестнадцатью пулями в теле
он – в неполных семнадцать
ступил на райкомовский двор.
Покачнулся,
как знамя рабочей дружины,
что в неравном бою
полегла за Советскую власть.
Ноги вымыл в ручье – до чиста! –
от навоза, и крови, и глины
перед тем,
как ступить на святейший порог
и упасть!

НИКОЛАЮ МОЖАЕВУ

Птиц неугомонное сопрано.
И от вишен сладостная тень,
где к подножью скифского кургана
прилепился скульптора курень.

Росы в травах
светятся хрустально.
Дышит древность в тропке под ногой.
Вот идёт он –
весь монументальный,
как и все творения его.

Завистью безмерною обласкан.
С дерзкой думой вышел на курган.
Он с него катался на салазках –
беспокойный шустрый мальчуган.

Тёрен рвал с терновника.
И терпкость
ту же точно чувствовал во рту,
что и скиф, хранящий краю верность,
любящий простор и красоту.

Выверено каждое движенье.
Чувственность резца – всего важней.
Знает он, что чести расщепленье,
расщепленья атомов страшней.

Не с того ли свято, неустанно,
весь в работе – чувствует он как
бьётся сердце мудрое кургана
с помыслами жизненными в такт.

Не с того ль и я взволнован очень...
Распахнула дочь его курень.
И горят, горят по-скифски очи
из-под вороных её бровей!

МОИСЕЙ

...И, когда с досточтимую милостью
Бога,
из земель вредоносных египетских
к землям, что слаже, чем мёд,
через бездны морские
от злобца фараона,
наконец-то, был выведен к свету
еврейский народ.
Когда жизнь – расцвела
и молочные реки пролились,
увлеклись похотеньями чада
и Богу забыли хвалу.
И низвергли его,
Золотому Тельцу поклонились –
истукану рогатому,
зверю, волу.

И прогневался Бог,
и рассеять хотел по пустыне,
извративших Законы и дело его, и Устав.
Поднял руку уже,
чтобы всех низложить до едина,
но пред ним Моисей –
благоволенный праведник встал.
Встал столпом, чтоб отсесть
от народа родного погибель.
И Всесильный Господь
внял пресветлым словам
и смягчил их вину.
... Не погибнет народ,
нет, во веки веков – не погибнет,
если праведник есть у него
хоть один
на страну!

ПОЭТУ

Поёт весна свирелью белопенной.
Пахуч цветок тернового венца.
Мир обольщён
наружностью смиренной
и сдобною улыбкой хитреца.

Похабщины в квартале голос стойкий,
как вор, подкрался к сердцу моему.
Я вижу птиц крылатых на помойке,
уже которым крылья ни к чему.

И потому никак не успокоюсь
(не может лист не шелестеть в бору),
что нашей жизни немощная совесть
совсем не приучается к добру.

Далёкий голос, раздвигая злаки,
до нас доносит праведную суть:

«Приди ко мне, блуждающий во мраке,
изранивший сомнениями грудь!

Будь для любви живительною силой.
И научи других спокойно взять
своей жизни крест святой
и до могилы
его нести,
нести и не роптать!

Располагайся сердцем к вразуменью,
что путь тернист к духовной высоте.
И красоту спаси от омерзенья,
земное устремляя к чистоте.

Уста корыстолюбия, молчите!
От ближних утешенье – не в чести!
Ведь ты поэт –
дум светлых попечитель.
И после смерти крест тебе нести!»

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

В моём роду бывали силачи.
И дело здесь не лишь в мускулатуре.
По жилам, как по тракту,
грохочи,
кулачный предков зуд
в моей натуре!
Пусть кулаки
грознее, чем обвал,
отстаивают в жизни
путь незлачный.

Так прадед мой
на льду в бою кулачном
себе прабабку в жёны отстоял.

Пусть подымают разума отвагу,
поставив чувствам мелочным затор.
Как юный дед мой подымал конягу,
ведя достойно
на колхозный двор.

О, предков жизнь!..
Славянский дух бывалый,
вводи в аорту
ярый плеск знамён,
как самый старший
дядька мой Михайло
водил в атаку красный эскадрон.

В моём роду
молчанье ценят в жизни.
Война. Отец ступил под алый шёлк.
Он в грудь себя не бил:
- Люблю Отчизну! –
а молча за неё в атаку шёл.
И потому
Я в чувствах вижу «липу»
тех, кто горазд себе рубаху рвать.

О правде нашей ратуя до хрипа –
во всём ненашем
любит щеголять!

В моём роду
и песню тоже любят.
В застолье мать -
певцам задаст урок!
От всей души
такую песню врубит!..
(Без песни ведь и праздники
неврок).

Так запоёт – землянкой фронтовой
дохнёт изба.
Платок спадёт к руке.
И брат её, убитый под Москвою,
слезой блеснёт
на горестной щеке.

Так запоёт,
что сорок третий год
припомнит тётка –
проклятый и жаркий.
Себя, не девкой – лошадьё гнедой,
волочащей по штреку
с углем санки!

Так запоёт,
что взвихренное ветром
вольётся время в душу, как стезя,
чтоб я горел
достойным предков светом,
а не пылил грядущему в глаза!

БОЛЬ – ЗА ВСЕХ!

Поэма

*Нельзя построить счастье человечества
ценой хотя бы одной слезы ребёнка.*

Из Ф. Достоевского

1

Нагрушусь, наплачусь над бедою
и уйду в теплынь родных полей.
Там очишусь, выпрямлюсь душою
на могилке матери моей.

Наберусь упорства и терпенья
и начну увереннее жить,
чтобы мировое потрясенье
не смогло с пути меня сшибить.

Горизонт покрылся гарищ палом.
Суслик «воду мутит» из норы.
Змей берёт не силою, а жалом.
Бьёт стервятник с неба, как с горы.

Он склевал глаза у идеала.
И мечта, что в голод мужики,
от больших оброков отошала,
но тучней стают временщики.

Не хочу, чтоб гибло благородство,
рубль шуршал коварством и хулой,
вызывало наглый смех уродство,
ёрничала зависть за спиной.

Чтобы дети старших спесь познали,
нищетою вгоняемые в грязь.
Ну а тех, кто тянет воз – хлестали,
трёхэтажно лаясь и бранясь.

Нагрушюсь. Наплачусь. И открыто,
Не колеблясь, встану против зла.
Ничего, что в кровь лицо разбито –

только бы душа была цела!

2

С похмелья. Опухший.
Губа – крива.
Рассол хлебает ведёрной дозой
хозяин Герасимовки – голова
Сергеич Трофим Морозов.

Смотрит на мир –
репей в бороде.
Брови – собаками на переносице.
Он крепко держит село в узде.
В районе верхи с ним носятся.
Он – первый вояка в борьбе за хлеб.
Непробиваем.
Рука крепка.
У куркуля на подворье – слеп
и зорек – у бедняка.

Мздоимец. Хапуга.
До баб охочий.
Доверья людей предатель.
Жену избивать мог с утра до ночи –
Совета сельского председатель.

Ему свои судьбы народ доверил,
а он разнуздался. Надут, что квочка.
Вкус власти почувствовал
в полной мере:
- Я – советская власть,
и точка!

Казалось, и правды на свете нет.
Отец для детишек – зверь.
А старшему Паше – тринадцать лет.
И он ни кто-нибудь – пионер!

Не раз налетал на кулак отца:
- Маму не дам губить! –
И сбитый ударом летел с крыльца,
готовый от боли выть.

Трофим Морозов – и Царь, и Бог!
Взятки брать не стеснялся.
Он всё под себя подгрёбал, что мог,
пока на горяченьком не попался.

О, борзописцы!
В любой беде
найдёте себе рекламу.

...И Павлик выступил на суде
за братьев своих, за маму!
За батраков и ребят-друзей,
чьи бедность снедала лица.
Кто даже своих не имел лаптей,
но очень хотел учиться.

Он смело сказал – горячо и зло:
грудь галстука грела алость,
о том, что знало давно село,
но вслух говорить боялось.

Как в дыпках,
нахрапистая рука
почувствовала свободу.
И с вонью сивухи и табака
полезла в карман народу.

О, гуманисты! О, мыслей форс!
Порассуждать о добре – спецы.

Ну, разве правду сказать – донос
о том, что порою творят отцы!?

3

Читаю архивы. В груди заныло.
Осока. Болото. Туман ужом.
Дед Сергей и кулак Данило
перестреляют ребят
с ножом.

- Ну что, собиратели клюквы?..
Беден
ваш кузовок! ..

И кистень под дых!
Паше – тринадцать,
а восемь – Феде.
Куда им против верзил таких!

От горя вокруг травостой пожёлк.
Иного и нет решенья:
за то, что против отца пошёл –
не миновать отмщенья!

За соснами вечер волчицей взвыл.
И в солнца лучей окладе
лик Божьей Матери проступил
в тайги посмурневшем взгляде.

Луна скатилась слезой в сушняк,
увиденному не рада.
И мхом на болоте покрылся мрак,
на убиенных глядя.

О, борзописцы! ..
Пером, как финкой, –
Павлика с Федей,
не в грудь, а в спину,
после удара в висок дубинкой,
сегодня докальваете, как скотину!

«Детоубийцам – высокий ранг!
Не преступление в них – дерзанье! »
Помои вылили на ребят,
ради нравственного воспитанья.

Уши заткнул.
Побледнел, что смерть.
Но слышу! .. Слышу – на стресса грани:

«Прощенье – убийцам! А детям – нет!
Павлик Морозов – опасен крайне! »

Для демократии он – беда!
К мышлению новому в нём –
преграды! ..»

Павлик Морозов опасен. Да!
Для тех, кто боится правды!

... Безмолвья оскал.
И ножа печать...
Вот так, бултыхаясь в мути,
нравственно можем мы одичать,
зная не желая сути.

Нас времени ветер
хлестнул свинцом,
но только давайте не лить еля.

Страшно порой обличать отцов.
Судить неподсудных – ещё страшнее!

Эпилог

... Рассыпана клюква.
Дорога, лес –
в сгусток кровавый
слились невольно.
И Павлик стоит –
беззащитный весь.
и за всех нас ему –
очень больно!

ШАГА – НЕ ЗАМЕДЛЮ!

1

... Был понедельник.
Город – славой рос.
Цветением сады благоухали.
И на осле въезжал в него Христос.
И люди путь цветами устилали.
А в пятницу...
что он – Господь, поймут
и тут же, как разбойника, распнут!

2

Вот и Голгофа!..
Всю волю – в пружину!
Зубы сцепить до крови и молчать.
Трудно Христу восходить на вершину.
Но, как на вершине
Он смог устоять?!

3

Ударил новый кризиса толчок.
И жар пошёл по телу опрометью.
И ноша жгучей врезалась в плечо.
Но шага своего я – не замедлю!
И верю в то,
что солнышко мне брызнет
охапки золотисто-светлых роз.
Ведь не напрасно я иду по жизни
с карманами пустыми,
как Христос!

ОБ АВТОРЕ

Медведенко Андрей Ефимович родился 22 февраля 1951 года в семье шахтёра. Детство его прошло в городе Кировске на Луганщине. Оттуда и начался его творческий и трудовой путь.

Работал на шахтах Донбасса, служил в рядах Советской Армии, закончил Литературный институт им. А. М. Горького, в котором на протяжении трёх курсов был единственным на весь институт членом Союза писателей СССР.

Его поэзия неоднократно звучала по Всесоюзному радио, публиковалась в Москве, Киеве, Донецке, переводилась на болгарский, украинский, грузинский, азербайджанский, якутский, башкирский языки.

Он автор более пятидесяти книг поэзии и прозы. Является дипломантом Международного литературно-медийного конкурса им. Олесея Бузины, лауреатом Международной премии им. Сквороды, премии Союза писателей России «Имперская культура» им. Эдуарда Володина и других.

Долгие годы руководил Луганской областной писательской организацией Национального Союза писателей Украины.

Почётный краевед Донеччины.

Почётный гражданин города Кировска.

Заслуженный работник культуры Украины.

Член Союза писателей СССР и России.

СОДЕРЖАНИЕ

«Ливень листвы повсеместно...»3

Из опалённой тетради 2014 г.

Не смолкла правды речь	4
Но пасаран	5
Мечта не пресеклась	6
Солнцерб	7
Был ли шанс?..	8
Не зря	9
Погорелец	10

Веянье рассвета

Благословение.....	11
Ну, что за взор мне дан?!.....	12
«Весна. Рождение новых испытаний...».....	13
«Май прохладой ласкает лицо...».....	14
Лето.....	15
«Нектар надежд...».....	16
Упрёк отчаяния.....	17
Несу в себе дорогу.....	18
Победитель.....	19
«Вот и снова, солнышку покорный...» ..	20
«Пологий спуск...»	21
«В лугах косулей взбрыкивает лето...»	22
Слёзы плакучей ивы	23
«Я день оставил прожитый - векам...»	24
Перед разлукой	25
«Над хатою вишен и слив пороша...»	26
«Весенняя свежесть...»	27
«Сияют звёзды.....	28
«Летний сумрак тихо и печально...»	29
«Житейских дел невпроворот...»	30

«Может, кто и есть на свете краше...»	31
«Не бродягою и не странником...»	32
«Стою с задумчивым лицом...»	33
«Чувствую сердцем напругу...»	34
Дети войны.....	35
«Свои».....	36
Осенняя мозаика	37
Триптих	39
Ночь августовская.....	40
«Птицы взметнулись и тужат...»	41
Сентябринки	42
«Как окровавленная плаха...»	43
Январь	44
Веснушки осени	45
В засуху	46
«По степи брожу скитальцем...»	46
«Полдень хмурый. Зябко мне...»	47
Места сокральные.....	48
Осень глубокая	49
Зимние акварели.....	51
Вожак	53
«Над дорогой змейкой снег метелится...»	54
«Я набрёл на тебя...»	55
Терпкий мёд	56
«Если кто-то возьмёт и спросит...»	57
Летний этюд	58
«Край родной, запустелый, зелёный...»	59
«Весна. Не тот уже запал...»	60
Пасхальное	61
Певец	62
«В тени деревьев дремлет пёс...»	63
«К тихой речке верба наклонилась...»	64
«Гляжу на святые лики...».....	65
«Заря щедушна, схожа на испуг...»	66
«Подкралась боль к гнетущей тишине...»	67
Осенний ветер так лицо сечёт...».....	68
«Плетут метели небылицы...».....	69
«Простор влажнеет от тумана...»	70
«Моя душа оцепенела в муках...»	71
«Сорвала полог тьмушей тьмы комета...»	72
Миниатюры	73

«Хоть ложатся грузом годы...»	75
Белые клипсы	76
«Почти потух последний луч заката...»	78
«Дерзаньям нашим несть конца и края...»	79
Смятый рассвет. <i>Быль</i>	80
Мамина слива.....	86
Завидной роскошью горда	87
«Жизнь меняется...»	89
Сельский пейзаж.....	90
«Вот и снова плохо сплю ночами...»	91
Сломанная ветка.....	92
Первый заработок	93
«Дорогою юности шёл я...».....	94
«Взгляд постыюрга вечера...».....	95
«Лета мои – за перевалом...».....	96
Исповедь.....	97
«Неожиданно с бухты-баряхты...»	98
«Душист аромат от сосны».....	99

В городке захолустном

Посох.....	100
В шахте	102
«Идём по штреку – чёрные, как черти!...»	103
«На поверхности ночь...».....	104
Начало страды	105
Вечерний пейзаж	106
«Тощий летний полдень...»	107
Глаза.....	108
«И всё же такое случится...»	109
«Как будто небо выпростало зрак.....»	110
Я стою, очумев.....	111
Кастрюля	113
Неприкаянно, хмуро и плоско...»	114
«Кровоточащие раны...»	115
Джоконда.....	116
Безмолвья крик	118
Только бы... ..	119
У реки Миасс	120
На фронте	121

Времена года	122
Фрагмент из обыденной жизни	124
Крот.....	125
Жажда правды	126
Эпилог	127

Неожиданные портреты и раздумья

В Шушенском	128
Сталин	129
Два славянских крыла	130
На небе Бог незримый...»	131
У памятника Пушкину	132
Николаю Рубцову	133
У памятника М. Горькому	134
Гнездо на радуге	135
Марина Цветаева	136
Два поэта	137
У памятника Кобзарю	139
Бах	140
Александр Пудину	141
«Ну вот настал и новый век!..»	142
Титан	143
Рабы.....	144
Мотают жизнь колёса веретён.....	145
Повстанец	146
Баллада о комсомольских взносах	147
Николаю Можаяву.....	148
Поэту	149
Моя родословная.....	150
Боль – за всех! <i>Поэма</i>	153
Шага – не замедлю!.....	158
Об авторе.....	159

Литературно-художественное издание

**Медведенко
Андрей Ефимович**

НА ПЕРЕГОНАХ СУДЬБЫ

*Стихотворения,
быль,
поэма.*

Редактор – В.В. Полуйко
Компьютерный набор и верстка – Е.В. Котовой

Сдано в набор 10. 10. 2018. Подписано в печать 12. 12. 2018.
Формат 80х100/32. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печать RISO. Усл.-печ. л. 7,99. Тираж 300 экз.

